

НАТАЛИЯ ТРЕСТОН

ТВОЕ СЕРДЦЕ
БУДЕТ МОИМ

BestThriller

Наташа Престон

Твое сердце будет моим

«РОСМЭН»

2018

УДК 820(73)-31
ББК 84(7США)

Престон Н.

Твое сердце будет моим / Н. Престон — «Росмэн»,
2018 — (BestThriller)

ISBN 978-5-353-09052-6

Близится День святого Валентина. Лайла с друзьями-однокурсниками собирается на вечеринку, даже не догадываясь, что через несколько мгновений одно-единственное письмо перевернет вверх дном веселую студенческую жизнь. Всего пара строк для одного из приятелей Лайлы – Сонни. «Твое сердце будет моим»... Что это? Любовное послание от тайной поклонницы? Угроза? Да нет же, просто глупый розыгрыш! Но вскоре после появления письма Сонни бесследно исчезает, а затем приходит новое послание: «Твоя очередь!»

УДК 820(73)-31
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-353-09052-6

© Престон Н., 2018
© Росмэн, 2018

Содержание

1	7
2	12
3	15
4	20
5	24
6	28
7	35
8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наташа Престон

Твое сердце будет моим

Роман

Natasha Preston

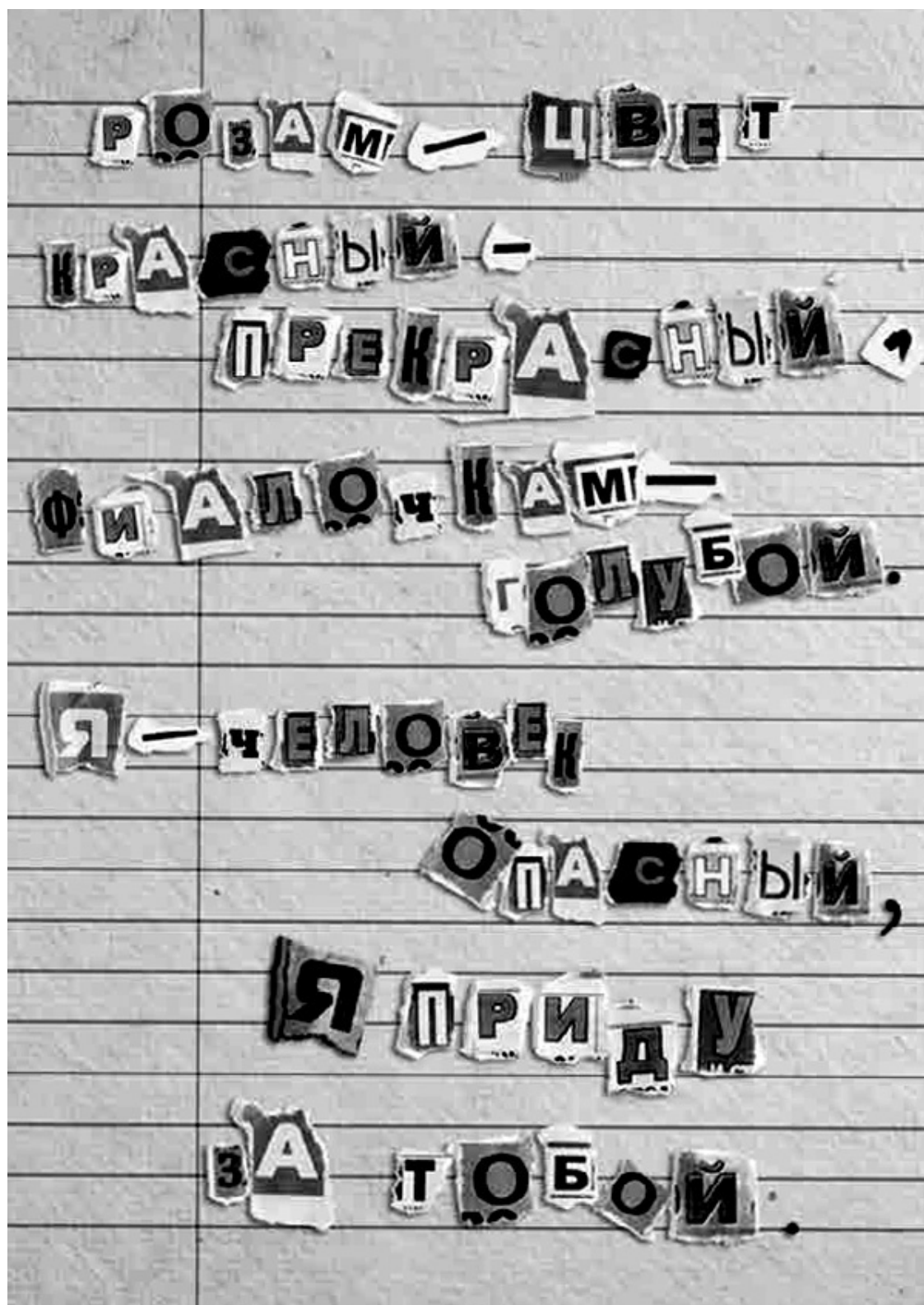
You Will Be Mine

Copyright © 2018 by Natasha Preston.

© Макет, оформление, перевод. ООО «РОСМЭН», 2018

Алиса, ты родилась в День святого Валентина, так что я подумала, будет очень символично посвятить мою книгу-«валентинку» тебе.

Прости – теперь тебе придется делить свой день рождения еще и с этой книгой!

1

Четверг Первое февраля

День святого Валентина. Фу. Терпеть не могу этот праздник.

Я разглядываю бумажные сердечки, которыми Шарлотта украсила нашу комнату, а про себя закатываю глаза. Обе мои соседки, и Сиенна, и Шарлотта, просто обожают День святого Валентина.

До того момента, как весь факультет средств массовой информации взорвется милотой, фотками пар и признаниями, еще целых четырнадцать дней, а меня уже поглотил водоворот красно-розового самодельного тематического барахла.

Просто тошнит от всего этого.

Студенты театрального факультета каждый год делают постановку на тему святого Валентина. Вот только они позволяют себе всякие драматические вольности, и в их интерпретации эта история выглядит сексуально и кроваво. В прошлом году постановка получилась просто огонь, а в этот раз обещают еще лучше.

А потом должно быть афтепати.

Мы с Шарлоттой, Чейсом, Сонни и Айзеком валяемся на диванах в гостиной; ждем, когда Сиенна наконец соберется и можно будет идти. Комната небольшая, и всем вместе в ней тесновато.

– Сделай погромче, Лайла! – требует Сонни.

Сонни из Лондона. Разговаривает прямо как один из гангстеров – близнецов Крэй¹, хотя на самом деле он слишком добрый, чтобы быть гангстером.

Я встаю, отвечаю притворный поклон и подкручиваю громкость на колонках, подключенных к айфону Сонни. Оглушительно громкий трек «Я буду скучать по тебе» в исполнении Пафф Дэдди наполняет комнату.

Сонни – самый старший в нашей компании, поэтому он уверен, что может командовать остальными – ну прямо как ребенок. Вообще-то он хороший парень, просто, как мне кажется, в детстве ему не слишком часто говорили слово «нет».

Он не обращает внимания на мой поклон – зависает в айфоне, наверняка строит планы на сегодняшний вечер.

Чейс учится на факультете СМИ, как и я. Он ухмыляется мне, и я показываю ему язык. Мы познакомились в первый же день в колледже, оба потерялись на территории университетского городка, и оба делали вид, что знаем, куда нужно идти. С тех пор мы провели вместе несчетное количество времени, просматривая фильмы, работая над учебными проектами и всячески развлекаясь. Не считая Сиенны, Чейс – мой лучший друг. Я влюбилась в него вскоре после знакомства. Ну как вскоре – минуты через три после встречи, наверное. Но он вряд ли испытывает ко мне что-то такое, скорее, относится как к своему парню. Правда, в последнее время Чейс стал все чаще и чаще искать повод, чтобы остаться со мной наедине. Точнее, мне так кажется.

В дверном проеме возникает Сиенна.

– Лайла, ну как? То, что надо? – спрашивает она и проводит сверху вниз ладонями по своему телу, обтянутому кроваво-красным платьем.

¹ Близнецы Крэй (Рональд, 24 октября 1933-17 марта 1995, и Реджинальд, 24 октября 1933-1 октября 2000) – преступники, братья-близнецы, контролировавшие большую часть организованной преступной деятельности лондонского Ист-Энда на рубеже 1950-х и 1960-х годов.

– Нет, просто чудовищно, – отвечаю я, иронически вздернув бровь.

Она выглядит круто и сама прекрасно это знает.

Сиенна – реально красотка. Родилась она в Корее, а в Великобританию ее семья переехала, когда Сиенне было всего два года. Волосы у нее до неприличия гладкие и блестящие. Уж она точно не затерялась бы на подиуме, несмотря на маленький рост.

– Ой, все. Сегодня – наш с Натаном вечер! Я заставлю его влюбиться в меня, даже если это будет последним, что я сделаю!

Ну конечно, до Дня святого Валентина осталось всего две недели! Нужно срочно найти себе пару. Кстати, Чейс вроде нормально относится к этому празднику. Может, он меня еще удивит... Ну а если Чейс мне признается, я перестану ненавидеть День святого Валентина.

– Си, детка, ты, главное, не сдавайся сразу. – Айзек обнимает ее за плечи. – Пусть попотееет.

Айзек, наш отважный дурачок.

Черные глаза Сиенны темнеют еще больше.

– Большое спасибо за совет, – отвечает она с убийственным сарказмом, бросая на Айзека не менее убийственный взгляд.

Айзек тут же отступает, приглаживая назад свои короткие темные волосы.

– Я просто хотел помочь, – замечает он.

Шарлотта с интересом наблюдает за нами. Она – жуткая тихоня, оказалась нашей соседкой совершенно случайно. Конечно, за пять месяцев под одной крышей мы все успели стать друзьями, но она все равно всегда держится чуть в стороне и часто остается дома в тишине и покое, вместо того чтобы пойти с нами тусить.

– Ты как, Шарлотта? – спрашивает Чейс, поймав ее внимательный взгляд.

– Я, наверное, сегодня никуда, – отзывается она. – Судя по тому, что вы говорите, это... не совсем мое.

На Шарлотте длинная джинсовая юбка и коралловая футболка. Белокурые волосы стянуты на затылке в высокий хвост. Она совсем не похожа на тусовщицу, но все-таки я знаю, что ей это нравится, – убеждаюсь в этом каждый раз, когда нам удается ее вытащить.

– Ну вот еще! – заявляю я, откидываясь на подушки. – Ты идешь с нами.

– Ну да, я сама говорила, что хочу больше участвовать в университетской жизни. Опыт и все такое. – Она наклоняется вперед. – Но не уверена, что пьеса о мученике имеет к этому какое-то отношение.

– Мы же не только на пьесу идем. Потом будет афтепати.

– Ну теперь я точно уверена, что не хочу идти.

– А чем же ты занималась до того, как Лайла тебя удочерила, а, Шарлотта? Сидела дома и играла в шахматы сама с собой? – спрашивает Сонни, посмеиваясь над своей же шуткой.

Я стискиваю зубы.

– А давай ты не будешь таким гаденышем, а, Сонни, – говорит Чейс, хлопнув Сонни по груди.

Шарлотта опускает голову, стараясь не смотреть на Сонни. Я, наоборот, смотрю на него в упор. Тот вздыхает.

– Ладно, я перегнул палку. Шарли, прости.

Шарлотта кивает, но что-то я сомневаюсь, что она его простила. Я бы точно не простила.

– Слушайте, давайте уже пойдем? Пора поразвлечься, – говорит Сонни. – Мы тут все одинокие птицы, и к тому же, – он бросает на меня выразительный взгляд, – все, ну или почти все, уважаем День святого Валентина. Никому не хочется остаться в одиночестве, а значит, охота будет удачной!

У него и правда не бывает проблем с «птичками», но, если бы девушки из нашего студенческого городка слышали, что он иногда несет, вряд ли Сонни пользовался бы у них таким успехом.

Шарлотта поднимает голову и кивает:

– Ладно... проехали.

Сонни смотрит на меня:

– Лайла?

Пожимаю плечами. У меня не выходит простить его так же быстро.

– Я не против.

А еще я не против, чтобы Чейс наконец-то понял, что любит меня. Впрочем, хорошая вечеринка и правда может немного оживить это время года.

– Кстати, Лайла, постарайся в этом году не разбивать никому сердечко, – поддразнивает Айзек.

Ну вот снова-здорово.

– Хватит, никому я ничего не разбивала! – обрываю его я.

– Ну конечно! А то никто не знает, что Джейк выпилился из универа, потому что ты его отвергла.

Джейк был в нашей компании, пока в прошлом году не полез ко мне целоваться прямо перед моим отъездом домой. Я собиралась провести День святого Валентина вместе со своим братом Райли, чтобы отметить годовщину смерти родителей. Джейк знал, что я не в себе, но все равно решил, что это подходящий момент для поцелуев. Только я так почему-то не думала. Оттолкнула его и велела убираться к черту.

Сейчас я понимаю, что могла бы как-нибудь потактичнее намекнуть ему, что он мне не нравится, но тогда мне было не до вежливости. Я была взвинчена и натянута, как струна. Мне было страшно ехать домой, казалось – да и сейчас так кажется, – что дом все еще помнит их. Ну а Джейк мог бы выбрать другой момент, чтобы получить свою оплеуху.

– Джейк ушел не из-за меня. Он отчислился через пять месяцев после того случая.

– Ну да, потому что так и не смог тебя забыть, – вставляет Сонни и подмигивает мне.

Чейс поднимается на ноги.

– Все, парни, замяли эту тему.

Иногда мне кажется, что у Чейса в нашей компании есть своя особая задача – осаждать остальных, когда они забываются и начинают меня задирать. Вообще-то я вполне способна постоять за себя, но когда они затронули тему Джейка... спасибо, Чейс.

– Старик, мы же просто прикалываемся, – говорит Сонни.

В этот момент раздается звонок в дверь – так неожиданно, что я подсакиваю.

– Давайте поспорим, кто пришел, – говорит Чейс.

– Это одна из бывших подружек Сонни, которая просто не желает смириться со словом «нет», – сразу предлагаю вариант я.

Сиенна смеется:

– А мне кажется, там девчонка, которая бежит за Айзеком, как собачонка. Она реально «того».

– Не-а, – мгновенно реагирует Айзек. – Я абсолютно уверен, что там Нора! Опять пришла напрашиваться к Лайле в подружки.

Я уже на ходу раздраженно закатываю глаза. Нора живет в доме через дорогу. Вполне симпатичная девушка, мы несколько раз делали вместе домашку, но она без конца пытается затесаться в нашу компанию и стать моей лучшей подругой. Не то чтобы она мне не нравится, просто у нас совершенно ничего общего, не считая учебы.

Я открываю входную дверь. На крыльце никого нет.

– Народ, нас разыграли! – кричу я.

Уже закрываю дверь, как вдруг замечаю на коврике конверт кремового цвета. Письмо адресовано Сонни. Текст – напечатанный, не рукописный. Поднимаю письмо и возвращаюсь с ним в дом.

– Как людям старше двенадцати лет могут нравиться такие розыгрыши? – спрашивает Сонни.

– Спроси у своих дружков. – Я протягиваю ему конверт. – Похоже, это от них. Оставили на пороге.

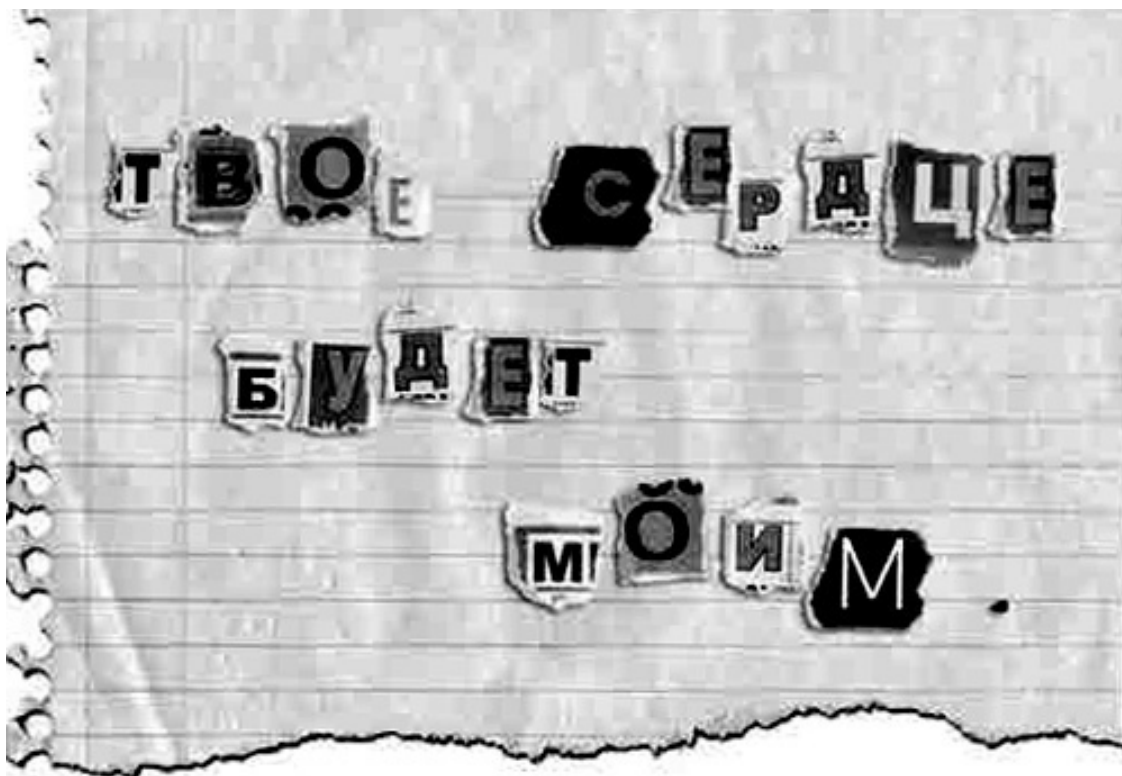
Сонни, сдвинув брови, разрывает конверт, и наружу выпадает листок. Сонни читает, и с его губ слетает крепкое словечко. Он смотрит на послание так, словно пытается сжечь его взглядом.

– Что там, чувак? – Чейс заглядывает ему через плечо. – Тайная воздыхательница?

– Вроде того. Найду – придушу голыми руками.

– Ну-ка дай заценить! – требует Айзек.

Сонни протягивает нам записку. Я заглядываю в письмо, и глаза у меня становятся большими и круглыми, как блюдца. Каждая буква послания вырезана из журнала или газеты.

– Что за дичь? Кому это надо, присылать такое? – спрашиваю я.

Понятно, что студенты нашего университета, – впрочем, как и любого другого – любят приколоться. Они могут подлить острый соус чили в бутылку из-под кетчупа в столовой или заполнить весь городок тучей красно-розовых шариков. Но, насколько мне известно, все это делается в расчете на большую аудиторию и громкий хохот. Личных писем никто никому не пишет.

– А это не могла сделать одна из твоих бывших? – спрашивает Шарлотта.

У нее блестят глаза – ей явно нравится, что Сонни не по себе.

– Да нет, у меня не было таких шизанутых, – отвечает он. Как мило.

– Да ладно, просто неудачная шутка, – говорит Чейс. – Все готовы? Ну что, идем?

Сиенна и Айзек выходят первыми, причем Сиенна так и сияет от радости. За Сонни следует Шарлотта. Вид у нее такой, словно она готова заняться чем угодно, лишь бы никуда не идти. Чейс оглядывается и протягивает мне руку. Я беру его под локоть.

На улице темно, хоть глаз выколи, и зверски холодно. Налетает ветер, и меня пробирает дрожь. Надо было одеться потеплее. Пока мы идем к воротам, я украдкой оглядываюсь. На территории стоит жуткая тишина. Дома по обеим сторонам дороги абсолютно одинаковые – все построены в викторианском стиле. И во всех живут студенты. Наш дом – в самом центре, так что мы всегда слышим отдаленный шум университета, хотя в городке намного тише, чем в общежитиях.

Уезжая из родительского дома, ты обретаешь независимость, и это классное чувство. Но я все равно терпеть не могу сама стирать свою одежду.

По пути Сонни швыряет записку в мусорный бак и, прихлопнув крышку, припечатывает ее крепким ругательством.

Облизнув пересохшие губы, я снова оглядываю улицу. Между дорожками растет высокая трава, высятся гигантские дубы. Этот участок залит светом фонарей, один из них мигает – превосходное укрытие для какого-нибудь психа-сталкера. Следи сколько хочешь, и никто тебя не увидит. А вдруг тот, кто оставил записку, сейчас прячется там?

– Тебе не кажется, что стоило серьезнее отнестись к письму, которое прислали Сонни? – тихо спрашиваю я.

Чейс выпускает мою руку, пропуская меня в ворота.

– В смысле?

– Это точно не любовная записка и не розыгрыш. А вдруг это реально опасно?

– У тебя просто разыгралось воображение. – Чейс останавливается у ворот, скрещивает руки на груди.

– Людей разыгрывают, чтобы было смешно. Но никто из нас не засмеялся. И все эти буквы из журналов...

– Значит, это был плохой розыгрыш, – отрезает Чейс. – Забей, Лайла. Сонни же забил. Не забывай, сегодня – официальное начало этого валентиновского дурдома, вот кого-то и накрыло.

Меня это не успокаивает. Чейс не понимает. Мы все – друзья, живем под одной крышей. Если кто-то точит зуб на Сонни, это коснется всех нас.

– Лайла, расслабься, – с улыбкой говорит мне Чейс. – Ты просто пересмотрела ужастиков. Вот мы сейчас повеселимся как следует, чтобы ты выкинула из головы эту записку. Потому что Сонни ничего не угрожает. Договорились?

Я киваю и улыбаюсь в ответ. Наверное, не очень убедительно, потому что он снова берет мою руку и крепко сжимает.

Сердце скачет, как сумасшедшее, сама не знаю почему. То ли из-за того, что Чейс рядом, то ли – кто-то действительно затаил зло на Сонни.

2

Четверг Первое февраля

Мы приходим рановато, но первых зрителей уже пускают. Протянув швейцару билет, я следом за друзьями захожу в просторный зал, уставленный круглыми столиками. Все стулья развернуты к сцене.

– У нас – счастливый тринадцатый, – сообщает Айзек, оглядывая зал. – Ну и где этот чертов стол?

– Старик, оглянись назад и увидишь схему расположения столов, – усмехается Чейс.

Айзек резко оборачивается, и его рот растягивается в букву «О». Ну не дурак?

– Мы вот здесь! – Он тычет пальцем в стол слева от сцены.

Второй ряд от центра. Вид должен быть отличный, да и между столиками полным-полно свободного пространства.

Оказывается, в стоимость билеты включены закуски. А мы и не знали!

Интересно, чем нас накормят.

Официанты в черных брюках и красных рубашках стоят по периметру зала, провожают посетителей к столам. Еды еще нет. Наверное, ждут, когда все рассядутся, и только потом принесут меню. Я усаживаюсь между Чейсом и Шарлоттой. Мы с Сиенной потихоньку договорились, что заставим Шарлотту оторваться как следует сегодня вечером. Может, даже поможем ей найти неплохого парня. С тех пор как мы познакомились – честно говоря, это было не очень давно, – она ни разу не ходила на свидание и никем не интересовалась. Шарлотта рассказала нам, что в последний раз встречалась с парнем еще в старших классах.

– Когда уже пожарть принесут? Я подыхаю с голоду, – ворчит Сонни, схватив со стола винную карту.

– До начала еще минут двадцать, наверное, только после этого, – рассеянно отзывается Сиенна.

Она постоянно оглядывает зал, чтобы не прозевать, когда войдет Натан со своей компанией, – платье было надето специально ради него.

– Ты как? – спрашиваю я.

Она кривит губы в притворной улыбке:

– Готова поспорить, он передумал и вообще не придет.

– Си... – сочувственно говорю я.

Но она отмахивается так резко, что я чувствую дуновение воздуха у своего лица, – пытается делать вид, что ей абсолютно наплевать на то, что на нее забили.

Пока мы переговариваемся, зал медленно заполняется. Мигают огоньки – значит, пора взять напитки и занять свои места.

Скоро начнется шоу.

– Я схожу в бар, – говорю я, отодвигая стул.

Чейс тут же делает то же самое.

– Я с тобой!

Я и не сомневалась. Он ведь джентльмен и не позволит мне в одиночку тащить к столу поднос, нагруженный напитками.

Пропуская меня вперед, Чейс легко касается ладонью моей спины. Пробираясь к бару, я слышу, как колотится мое сердце.

В баре витает слабый химический запах лимона, как будто тут только что сделали уборку. Опершись на стойку черного дерева, смотрю, как Чейс жестом подзывает бармена. Бармен

– высокий, темноволосый парень в татуировках. Он оборачивается, увидев нас, морщит лоб, словно вспоминая, где видел нас раньше. А потом достает из-под барной стойки фото, сделанное на поляроид. Мне видно только черно-белый задник фотографии.

– Все в порядке? – спрашивает Чейс. – Можно сделать заказ?

– Я просто уточнял, вы ли это, – усмехается бармен. – Ваш первый заказ уже оплачен.

– Здорово, – отзывается Чейс. – А кто оплатил?

Бармен щелчком подбрасывает ему фотку. Я бросаю на нее взгляд и чувствую, как у меня отвисает челюсть и каменеет спина.

На фото – вся наша компания, сидящая за столом. Снимок сделан минут десять назад.

– За нами что, кто-то наблюдает? – спрашивает Чейс.

Бармен пожимает плечами:

– Понятия не имею. Заплатил какой-то качок. Темная толстовка, платил наличными.

Качок в темной толстовке? Да я знаю целую кучу парней, которые ходят в качалку, и почти все они носят темные толстовки, поскольку цвета вуза – черный и желтый. У меня самой, кажется, целых три таких.

– Ха, – хмыкает Чейс. – Ладно, тогда нам три «Короны», два белых вина и водку с содовой.

Он что, серьезно?

– Чейс! – дергаю я его за подвернутый рукав рубашки. – Что ты делаешь?

– Ты о чем?

– Мы же не знаем, кто за нас платит!

– Да брось, выпивка на халяву, Лайла!

– Сначала письмо, а теперь это? – Я тычу в фотографию пальцем. – А вдруг это как-то связано? Тебя это не волнует?

– Что именно должно меня волновать? Что у Сонни завелась очередная фанатка или что нам не нужно платить за выпивку?

– Мы не знаем, кто за нас платит.

– Да какая разница? Смотри, бармен готовит все у нас на глазах, в напитки ничего не подлили. Кстати, я думаю, это Нора. Опять подлизывается.

– Думаешь, я слишком заморачиваюсь? – Склонив голову набок, я искоса смотрю на Чейса.

– Есть немного. Слушай, мне тоже кажется, что все это довольно подозрительно, но ты и сама знаешь: чуть какой праздник – и у всех крышу сносит. Нас ждет еще тонна розыгрышей. И никаких скрытых мотивов – просто ради веселья.

Он наклоняется ко мне, и меня накрывает волной аромата его лосьона после бритья. Этот запах действует на меня, как наркотик. Я невольно придвигаюсь к Чейсу.

– Пожалуйста, не переживай, – говорит он. – Просто расслабься и наслаждайся вечером.

– А ты будешь отмечать День святого Валентина? В прошлом году ты не особо участвовал в общем веселье...

Я почти шепчу, но даже не замечаю этого, так очарована Чейсом.

Его темно-зеленые глаза смотрят мне прямо в душу. Я чувствую, как щеки заливают румянец.

– Раньше у меня не было причин любить этот праздник, – отвечает он и наклоняется еще ближе.

А теперь есть? Пожалуйста, скажи, что есть!

Но тут вмешивается бармен:

– Все готово!

Ну вот, выбрал самый неудачный момент, какой только мог быть. Волшебство рушится. Чейс поднимает голову и кивает.

Нет! Чейс! Расскажи про свою причину, черт возьми!

Ну все, момент упущен.

Чейс бросает на стойку чаевые и берет наш поднос. Ужасно хочется закатить истерику, ей-богу. Он ведь уже готов был признаться или даже поцеловать меня! А я так долго ждала этого, и вот, нас прервали в самый ответственный момент. Чейс с усмешкой оглядывается на ходу и спрашивает:

– Ты идешь или как?

Я хватаю фотографию с барной стойки и тащусь за ним к столу. Он осторожно опускает поднос, а я бросаю фотографию между стаканами с напитками.

– Это оставили бармену после того, как оплатили нашу выпивку, – сообщаю я.

Пусть Чейс не видит в этом ничего особенного, но, может, кто-нибудь другой поддержит меня. Сиенна или Шарлотта... может быть.

– Это же мы! – объявляет Айзек.

– Поздравляю, Шерлок, – саркастически фыркает Чейс.

– Ну что ж, спасибо загадочной фее бухла! – Сонни салютует стаканом.

– А зачем нас сфотографировали? – спрашивает Шарлотта.

– Вот именно! – вступаю я.

– Ну, чтобы бармен знал, кому отдать бухло! – Айзек закатывает глаза. – Очевидно же. Меня это не убеждает.

– А зачем делать из этого секрет?

– Не знаю, – пожимает плечами Айзек. – Просто пей, и все. Шоу вот-вот начнется.

Не понимаю, почему все так легкомысленно относятся к этому. Что за ерунда?

– А это что? С другой стороны? – внезапно спрашивает Сиенна.

– А что там? – спрашивает Чейс.

– Край надорван.

Она переворачивает фото черной стороной.

Что это? И правда, уголок фото оторван. Сиенна отделяет снимок от белой подложки и внезапно роняет его, словно обжегшись. На маленьком черном квадратике – записка из вырезанных букв:

3

Четверг Первое февраля

Все молча смотрят на записку.

– Это не розыгрыш, – говорю я.

Сонни брезгливо вздергивает губу:

– За мной кто-то следит? Я всегда поступаю с женщинами честно и четко даю понять, что не будет ничего серьезного. Как же меня бесит, когда они об этом забывают или пытаются меня изменить.

– Чувак, у тебя есть идеи, кто это может быть? – Айзек крутит фото в руках, разглядывая его со всех сторон.

– Ни единой. Но кто бы это ни был, она меня точно плохо знает, если думает, что Сонни можно купить халявным бухлом.

– Может, уйдем? – предлагаю я, окидывая взглядом собравшихся в зале людей.

Все места заняты, за каждым столиком – минимум четыре человека. Еще несколько гостей ждут напитков в баре. В нашу сторону никто не смотрит. Если тот, кто все это сделал, здесь, почему он не наблюдает за нашей реакцией?

– Никуда мы не пойдем, – цедит Сонни. – Кем бы ни была эта сучка, клянусь, вечер она мне не испортит!

– Слушай, ты ведь так радовалась, когда мы сюда шли, – говорит Чейс, наклоняясь ко мне. – В последнее время это случалось нечасто.

Он имеет в виду, что этот день напоминает мне о смерти родителей. Я невольно сжимаю медальон в форме сердечка, который они подарили мне на шестнадцатилетие.

– Чейс, я...

Он прижимает указательный палец к моим губам.

– Нет. Лайла, я сделаю все, чтобы ты повеселилась, даже если это будет стоить мне жизни. – Он убирает палец. – Забудь об этих записках хотя бы на этот вечер. Разберемся с ними завтра. Сонни сходит в полицию или в службу безопасности студгородка. Или придумаем еще что-нибудь.

Я откидываюсь на спинку стула, закусив губу. Внутри у меня все узлом скручивается от тревоги за Сонни, но сейчас я ничего не могу сделать. Поэтому я киваю и отворачиваюсь к сцене, и в этот момент гаснут все огни. Шоу начинается.

Все выступление я ерзаю, пытаюсь вникнуть в сюжет. Ребята из театрального просто великолепны, но мне все равно не удается сосредоточиться на постановке. Голова забита записками.

Почему тот, кто их послал, кем бы он ни был, не хочет, чтобы мы о нем знали? Если бы это была влюбленная в Сонни девчонка, она бы дала о себе знать. Ведь так? Иначе какой смысл все затевать? А если бы я сразу подошла к двери, то, возможно, увидела бы того, кто принес письмо. Теперь этот человек купил нам выпить и сидит в одном зале с нами. Тоже смотрит выступление. Или на нас? У меня от одной мысли об этом – мороз по коже.

Как только выступление подходит к концу и зажигается свет, я сразу же поднимаюсь.

– Все, идем? – спрашиваю я.

– Э-э, ты куда-то спешишь, Лайла? – смеется Чейс. – А как же афтепати?

Черт. После всего, что случилось, я совсем забыла про вечеринку.

– Я устала. Хочу домой.

– Ну, как знаешь. А я вот хочу любви, поэтому откланиваюсь, ребята. Дела и все такое, – говорит Сонни.

Сиенна хватает его за руку:

– погоди, Сонни. Может, тебе не стоит ходить в одиночку? А вдруг там маньяк?

Не знаю, был ли это сарказм, но Сонни смеется:

– Смешно, Си. В общем, не ждите меня.

И уходит. Наверняка на свидание. Я провожаю его взглядом, пока он не исчезает в толпе.

– Как вы думаете, ему ничего не угрожает?

– С ним все будет в порядке, – заверяет меня Шарлотта, пробираясь к выходу вместе со мной. – Спасибо, что уговорила прийти. Мне и правда понравилось.

– Ну и хорошо, – отзываюсь я.

Хоть кому-то было хорошо. О себе я такого сказать не могу.

– Ты не против, если мы пойдем домой вместе? – спрашивает Шарлотта.

– И я с вами, – вставляет Сиенна. – Натан не пришел, но на неделе будут еще другие вечеринки. А сегодня, думаю, пора закругляться и баиньки.

Чейс и Айзек немного разочарованы, но все равно упорно желают нас проводить.

– Как пришли вместе, так и уйдем, – заявляет Чейс. – Ну, без Сонни, разве что.

Я улыбаюсь ему, одновременно глядя в людей, покидающих зал. Заметив темную толстовку, закусываю губу. Как же мне хочется поскорее выбраться из битком набитого зала. Ну же, ну! Не хочу находиться в одном помещении с человеком, который, вместо того чтобы подойти и предложить выпить, исподтишка сфотографировал нас. Чейс не отходит от меня ни на шаг, я спиной ощущаю его тепло. По-моему, он чувствует, что у меня натянуты нервы. По обе стороны от двери стоят вышибалы со скрещенными на груди руками. Их задача – проследить за тем, чтобы пьяные студенты покинули зал без инцидентов. Но парни такие огромные, что едва не заслоняют проход, и в дверях от этого давка.

Снаружи похолодало еще сильнее, асфальт затянуло блестящей ледяной пленкой. Ветер пробирает даже сквозь пальто. Я обхватываю себя руками и крепче прижимаюсь к Чейсу. Если спросит, что со мной, скажу, что замерзла.

Неожиданно его тяжелая рука обнимает меня за плечи и притягивает к себе еще ближе.

– Замерзла?

– Да. Ненавижу зиму.

– Тогда ты не в той стране родилась.

Это уж точно.

– О господи, – вскрикивает Сиенна таким высоким тонким голосом, что меня передергивает.

– Боже, Си, на твой ультразвук слетятся летучие мыши со всего городка! – ворчит Айзек.

Я же, проследив за ее взглядом, вижу на стене библиотеки гигантское стилизованное граффити. Буквы алые, потекшие, словно их написали кровью:

«ТВОЕ СЕРДЦЕ БУДЕТ МОИМ».

Автор надписи оттенил каждую букву серым и черным, чтобы слова выглядели объемными. Жутковато. Но круто.

– Талантливый чувак, – говорит Айзек.

– С чего ты взял, что это парень? – спрашиваю я.

– Чувиха. – Он поднимает руки, будто сдается.

– Спасибо, – улыбаюсь я.

– Твоя работа? – шутит Айзек.

– Конечно! Мы же все знаем, как Лайла красиво рисует. Людей, например... таких, с ручками-палочками и головами-кружочками, – поддразнивает Чейс, еще крепче прижимая меня к себе.

Можно было бы, конечно, съязвить в ответ, но я и правда ужасно рисую.

До дома еще минут пять. Мимо пробегает парочка студентов, изображающих купидонов. Из одежды на них – только куски простыней, прикрывающие задницы. Надеюсь, они схватят обморожение. Придурки.

– Все с ума сошли, – смеюсь я.

Мы сворачиваем за угол, проходим кофейню, горячо любимую всеми студентами, и выходим за границы студгородка. Здесь еще темнее. Плотное переплетение голых ветвей не пропускает свет. Мне всегда страшно ходить здесь в одиночку поздно вечером, хотя, как правило, тут все тихо и мирно. За все время в университете случилось всего лишь одно ограбление, и даже оно не в счет, потому что грабитель нахлестался виски и пытался украсть кошелек у своей же девушки.

Сиенна идет впереди, покачивая худенькими бедрами. Айзек – справа, чуть позади, смеется над ее шуткой.

И тут я замечаю на противоположной стороне улицы парня в толстовке. Идет из клуба? Я снова закусываю нижнюю губу. Я всегда так делаю, когда нервничаю. После смерти родителей я чуть не отгрызла ее к чертям собачьим.

– Тебе не тесновато, Лайл? – усмехается Чейс.

– А? – Оглядываюсь и вижу, что он сошел на проезжую часть, а я иду по тротуару одна. – Ой...

Он хочет еще что-то добавить, и в этот момент раздается громкий хлопок. Чейс хватается за меня, я же, наоборот, выкручиваюсь из его рук, пытаюсь найти источник шума. Улицу затягивает алый дым.

– Боже, – со смехом выдыхает Чейс. – Неплохо, я аж подскочил!

Сиенна и Айзек хлопают, я же стою, словно окаменев, и провожаю взглядом тающую во мраке темную фигуру в толстовке. Дым тоже медленно розовеет, бледнеет и тает в ночном воздухе.

– Что это было? – спрашиваю я.

– Всего-навсего дымовая шашка, – отвечает Чейс. – Ничего трюк. Но я на его месте швырнул бы ее, когда вокруг народу побольше.

– Ага, – поддакивает Айзек. – Если все в этом году намерены разыгрывать друг друга, надо бы и нам заморочиться.

– Если не можешь победить бесчинство, надо его возглавить? – ухмыляется Чейс.

Я хмуро смотрю вслед неизвестному. Он уже очень далеко ушел.

Наверное.

Мы заваливаемся в гостиную и падаем на диваны. Чейс усаживается рядом со мной на софу, Шарлотта, Сиенна и Айзек занимают диван.

– Хочешь поговорить? – спрашивает Чейс, придвигаясь ближе.

– О чем? – Я, глядя на него, откидываюсь на спинку софы.

– О том, почему ты так нервничаешь. Я все заметил, Лайла. Я всегда все замечаю. Всегда?

– Никак не могу выбросить из головы эти записки. Выпивку. Граффити. Дымовую шашку. Слишком много всего сразу.

– В прошлом году тоже были граффити и дымовые шашки, – замечает он.

– Да, но в тот раз все было по отдельности. А сейчас на стене написано то же самое, что и в записке. Это не может быть совпадением, разве ты не видишь?

– Может, и нет. Но я все же думаю, что кто-то пытается его подколоть. Пожалуйста, хоть из-за этого не грузись. С твоей... чувствительностью.

– Я в порядке.

В подтверждение выдавливаю из себя улыбку, хотя на самом деле хочется завизжать на Чейса, чтобы прекратил так холодно и рационально говорить о вещах, которые пугают меня до смерти, и не приплетал чуть что моих родителей. С тех пор как мы познакомились, он несколько раз спрашивал меня о родителях, но я не люблю распространяться о том, что с ними произошло, и он с уважением относится к моему нежеланию обсуждать это. А я просто не могу говорить. Мне понадобилось очень много времени, чтобы вернуться к нормальной жизни и перестать задыхаться от одного упоминания о них. И я не хочу возвращаться в прошлое, мне слишком тяжело, тогда я думала, что просто не переживу все это. К тому же не все разговоры – пусть даже многочасовые беседы с психологом – лечат. Я не хочу об этом говорить, наоборот, хочу забыть, каково это – до смерти тосковать по кому-то.

– Меня теперь вообще ничто не прошибет, – говорю я окрепшим голосом.

Чейс подталкивает меня плечом и улыбается:

– Рад слышать.

– Слушайте, а может, все-таки позвонить в полицию и рассказать о том, что случилось? – спрашивает Сиенна, помахивая фотографией и письмом.

После ухода Сонни фотография осталась валяться на столе, и ее прихватила Сиенна. Не взяла бы она, взяла бы я. И письмо из мусорки, куда его выбросил Сонни, вытащила тоже Сиенна. Хорошо, что оно не провалилось куда-нибудь вглубь.

– Да, – поддерживаю я. – Нужно позвонить в полицию.

– Они все равно ничем не помогут. Ну, то есть... а что можно сделать в такой ситуации? – спрашивает Чейс.

– Найти отпечатки пальцев? Должны же были остаться какие-то следы, кроме наших. Ты что, полицейские сериалы не смотрел? Даже если это шутка, Сонни имеет право знать, кто так пошутил, а полицейские должны поставить этого типа на место.

– Да, жалко, что мы не знаем, кто это устроил. У меня есть отличная идея для шуточной мести, – говорит Айзек. – Можно купить жуков в зоомагазине, ну, тех, которыми кормят ящериц, и запустить в его комнату.

Я представляю, как по моей коже ползают жуки, и меня передергивает.

– Поскорее бы этот праздник закончился, – ворчу я.

– Все еще переживаешь из-за Джейка? – спрашивает Айзек и со смехом уклоняется от хука Чейса.

Чейс качает головой и беззвучно произносит какое-то слово. Кажется, не совсем приличное. Представьте себе, это – единственная тема, на которую Айзек со мной шутит.

– Нет, не переживаю, – отвечаю я.

С тех пор как не стало мамы и папы, прошло уже два года, но мне и сейчас так же больно, как в тот день, когда мы с братом узнали, что стали сиротами. И я просто лгу, уверяя, будто мне плевать на то, что из-за Джейка эта дата стала для меня еще тяжелее. Хотя нам с Джейком и правда было страшно неловко, мы держались друг с другом совершенно естественно. А потом он вдруг бросил универ. Или мне только казалось, что все было естественно? В любом случае о поцелуе мы ни разу не заговаривали. После отъезда от Джейка не было ни слуху ни духу, не считая открытки на Рождество.

– Тут не из-за чего переживать, – вступает за меня Сиенна.

Айзек сразу приподнимает руки, словно сдается:

– Шучу. Подумаешь, разбила бедняге сердце, тут действительно не из-за чего переживать.

Я смотрю на него, сузив глаза и не отводя взгляда. Может, так до него дойдет, что мне плевать на его издевательства.

– Ты раздуваешь из мухи слона. Это был всего лишь поцелуй, и то не совсем, и Джейк совсем не расстроился. Он же не предложение мне делал, в конце концов.

– Зануда ты, – мрачно бурчит Айзек.

– Ну извини. – Я изображаю улыбку. – Теперь, когда мы закончили обсуждение моей бурной личной жизни, может, вернемся к розыгрышам?

– Похоже, в этом году Лайла хочет активно поучаствовать, – со смешком говорит Чейс.

– Правда, что ли? Обычно ты этой ерундой не занимаешься, – замечает Сиенна.

– Теперь у меня есть мотивация. Мне очень хочется разыграть того, кто пристаёт к Сонни.

– Давайте насыпать детскую присыпку в фены в девчоночьей раздевалке, – предлагает Айзек. – Если что, я готов!

– Боже! – Сиенна закатывает глаза.

– Я бы устроила пранк в духе... ну, например, сжечь целую кучу кукол-купидонов прямо посреди кампуса, облив их фальшивой кровью, – предлагаю я.

– Господи, Лайла! – смеется Чейс. – Ты просто маньячка.

– Сразу видно большую поклонницу этого праздника, – усмехается Айзек.

– Да уж.

Ненавижу Валентинов день. Если бы мои родители не поехали в какой-то расфуфыренный отель отмечать этот идиотский праздник, то остались бы живы. Мы с братом узнали об аварии только через час после того, как она случилась. Примчались в больницу, и нам сказали, что все будет хорошо, а через несколько минут после этого их обоих не стало, сначала – одного, потом – другого. Всего за несколько секунд до полуночи.

– Короче, – говорю я, пытаюсь сменить тему. – Я устала и хочу спать. Завтра купим детскую присыпку, фальшивую кровь и купидончиков.

Я желаю всем спокойной ночи, иду чистить зубы, а потом – в свою комнату. Закрываю дверь, прохожусь по мягкому ковру. Легко стаскиваю платье через голову и швыряю на кресло в углу комнаты. Обычно я обращаюсь со своими вещами очень аккуратно, но сегодня так устала, что мне на все наплевать. Натягиваю пижамные штаны, которые комком валяются на кровати с самого утра. На сегодня еще сгодятся.

У меня слипаются глаза и очень болят ноги, мне лень искать другую пижаму. К тому же во флисовой пижамке так тепло и удобно. Она сиреневая и мяконецкая, с рисунком из единорожек. Не дай бог, Чейс ее когда-нибудь увидит. Обычно если я выхожу из комнаты в пижаме, то это шелковые шортики и все такое.

Я откидываю одеяло и тут же отдергиваю руку, почувствовав укол. На подушечке большого пальца вспухает бусинка крови. А на пол к моим ногам падает красная роза.

Какого черта? А-а-а, это Сонни. Я посасываю уколотый палец. Сонни частенько подсовывает друзьям в постель всякие нежданчики вроде пауков или женских трусиков. Я аккуратно за стебель поднимаю розу и бросаю на тумбочку. Завтра тоже подброшу ему что-нибудь, и уж точно не красивый цветок. Может, куплю креветок или рыбьих голов или еще чего-нибудь вонючего. Будь я похрабрее, использовала бы идею Айзека. Но Сонни в любом случае крышка.

4

Пятница Второе февраля

Я просыпаюсь под звук дождя, мягко барабаниющего по стеклу. Терпеть не могу мокнуть, но в то же время очень люблю дождь. В нем есть что-то умиротворяющее. На запястье вибрирует «фитбит» – беззвучный будильник напоминает, что уже шесть утра и пора вставать.

Я потягиваюсь, как кошка, сильно-сильно вытягивая руки над головой. Когда родители были живы, я любила спать до упора и закатывала глаза всякий раз, когда мама говорила, что я проспала полдня, вместо того чтобы заняться делами, и такими темпами просплю всю жизнь.

А теперь, как бы мне ни хотелось остаться под одеялом, я все равно встаю. Потому что больше нет мамы, которая разбудит и поднимет.

Вот так. И нечего разлеживаться.

Я сбрасываю одеяло. Холодно, по всему телу бегут мурашки, но я вскакиваю поскорее, чтобы не передумать и не зарыться снова под одеяло.

Выхожу из комнаты и шлепаю по коридору в ванную. Здесь намного теплее. В прошлом году установили радиатор, и он жарит просто нещадно.

Я выхожу из душа, одеваюсь и на цыпочках сбегая вниз, стараюсь не наступать на скрипящие половицы, чтобы никого не разбудить.

Сонни и Сиенна встают так же рано, как я. Все остальные – сони и ленивцы. У Шарлотты и Айзека комнаты на первом этаже, поэтому мы стараемся не шуметь до семи, когда эти двое высовывают носы из дверей.

– Доброе утро, – говорю я Сиенне. Ее волосы, обычно такие гладкие и блестящие, торчат во все стороны. – Что, тяжелая ночька?

Она даже не поднимает голову, просто сидит, глядя в свою огромную кружку с черным кофе.

– Не то слово. Так и не смогла уснуть. И уже устала, – бурчит она.

– Сонни еще не спускался? Обычно он просыпается первым.

– Его даже в комнате нет, – отвечает она все тем же монотонным голосом, который звучит как плохая запись.

– А ты откуда знаешь? – Я тоже наливаю себе кофе.

– Дверь открыта. Где он сам, не знаю.

– Странно. – Я оборачиваюсь к Сиенне. – Обычно он ночует дома. Всегда.

Все знают, что Сонни любит девушек, а девушки любят его. Его, как он сам говорит, «трофеев» просто не счесть. Но при этом Сонни никогда, ни с одной из девушек не оставался на всю ночь, чтобы наутро избежать неловкости и позорного бегства.

– Да я знаю, – пожимает плечами Сиенна. – Может, он тактику сменил?

Пару секунд она молчит, а потом из ее груди вырывается короткий, низкий смешок:

– А может, и нет.

Я с кофе усаживаюсь возле Сиенны, и мы ждем, когда проснутся остальные.

Если рассуждать здраво, то переживать за взрослого парня, который, скорее всего, решил зависнуть на ночь у какой-то девчонки, – глупо. Но... что-то не так. Я чувствую. Мне не по себе, и в желудке как будто лежит огромный кусок свинца.

После смерти родителей я всегда первым делом предполагаю самое худшее. Когда их привезли в больницу, все были уверены, что обойдется. А потом мама умерла прямо на операционном столе, а папа – меньше чем через сорок минут после нее, от обильной кровопотери.

– Вам Сонни ничего не писал? – спрашиваю я часом позже, когда в кухне появляются Шарлотта и Айзек.

Я успокоюсь только после того, как узнаю, где он и что с ним.

Шарлотта поднимает брови. Все ее выражение говорит: «Мне бы он не написал, будь я даже последним человеком на Земле». И, честно говоря, она права.

Айзек несколько равнодушно дергает плечом:

– Не-а.

– Он до сих пор не вернулся домой, – поясняю я.

– Реально? Ну, наверное, случайно отрубился в постели какой-нибудь пташки, – говорит Айзек. – Скорее всего, надрался перед этим.

– Ну, может, – бурчу я.

– А вас это не тревожит? – спрашивает Сиенна. После второй порции кофеина голос у нее звучит гораздо бодрее. – Это совершенно на него не похоже.

У меня внутри все сжимается. Сонни всегда дома по утрам, особенно если у него занятия в первой половине дня. Его родные живут далеко, так что он редко ездит домой даже на каникулах. Сонни всегда здесь.

– Пойду спрошу Чейса. – Я отодвигаю стул и встаю. – Может, он что-то знает.

– О чем спросишь? Что я должен знать?

Голос Чейса действует на меня, как разряд тока. Каждый. Чертов. Раз.

Главное – смотреть ему в глаза, а не на его прекрасные, мускулистые руки, обтянутые рукавами серой футболки.

– Сонни пропал, – сообщает Айзек.

– Ого. Пропал? Значит, теперь мы так говорим? – спрашиваю я и чувствую, как ускоряется мой пульс.

Слова Айзека будят мои худшие опасения, и легкая тревога, лежавшая где-то в глубине души, неожиданно разбухает до тяжелого душного беспокойства.

А вдруг эти записки были реальной угрозой?

– Здесь его нет, где он, мы не знаем. Кажется, именно это и значит «пропал», – парирует Айзек.

Чейс встряхивает головой, и его песочные волосы сразу распушаются. Нет, ну запредельно мило.

– Не драматизируй. Может, он решил снова начать бегать по утрам. Или в магазин пошел. Или просто спит дома у какой-нибудь девушки.

Предположения Чейса вполне разумны... если не знать Сонни.

– Позвоню ему еще раз, – говорю я и набираю номер.

– Лайла, мы все волнуемся, но у тебя уже начинается паранойя, – замечает Чейс.

Он проходит мимо меня и коротко проводит ладонью по моей спине. Не знаю, нарочно или случайно, но точно не возражаю. И кстати: я не параноик. Просто волнуюсь за друга. Хорошего друга.

Подношу телефон к уху и жду. Как только включается автоответчик, я нажимаю на отбой.

– Даже не звонит.

– Лайла, с ним все хорошо. Ты готова? Идем? – спрашивает Чейс, наливая кофе в термкружку.

Нас ждут горы работы над проектом по рекламным кампаниям, но мне совершенно не до них.

– Эм, да. Готова. – Я оглядываюсь на остальных. – Ребят, напишите мне сразу, как только будут новости, хорошо?

– Ага. Я, когда в качалку пойду, заскочу по дороге в кофейню и в библиотеку; проверю, может, он там, – вызывается Айзек. – Вообще у меня такое чувство, что он сам все это придумал.

мал. Все знают, как он любит драматические эффекты. Сначала – записки, потом – граффити, бухло на концерте. Скорее всего, это его рук дело.

– Встретимся в качалке, Айзек. – Сиенна встает, пальцами зачесывает волосы назад. – Пожалуй, ты прав. Если кому и могло прийти в голову устроить такой розыгрыш, так это Сонни.

Действительно, он же подложил розу мне в кровать. Ведь это в духе Сонни?

Если окажется, что реально он водил нас за нос, меня это не сильно удивит, но вот взбесит по полной программе.

Чейс обхватывает пальцами мое запястье, и у меня снова екает сердце. Ну почему эта роза не от него? Нет, это все-таки ненормально – втрескаться в него до такой степени.

– Ну конечно, Сонни просто пытается привлечь к себе внимание. И как я сам об этом не подумал. Давай забудем о нем хоть ненадолго и сосредоточимся на задании. Договорились?

– Договорились, – с улыбкой киваю я.

Айзек и Сиенна, собравшись, выходят через заднюю дверь. Они идут в спортзал, расположенный за пределами студенческого городка. Местный им не нравится, он вечно битком набит студентами мужского пола, которые толкают гири перед зеркалом, любясь собственным отражением. Что касается меня, то я преклоняюсь перед людьми, которые ходят в спортзал. Бег – еще куда ни шло, но качалка... только не это.

Пару минут спустя мы с Чейсом тоже выходим. Сегодня уже не так холодно, как вчера, но у меня опять мороз пробегает по коже.

Чейс обнимает меня за плечи. Мы идем по дорожке, потом – по тропинке, выходящей через лесопосадки. Это – самая короткая дорога до кампуса. Ветер шевелит голые ветки у нас над головами, под ногами похрустывает покрытая инеем трава.

Мы идем мимо магазинов и ресторанчиков, украшенных к Дню святого Валентина. Чейс улыбается мне. Вот бы подурачиться с ним, как обычно, но мне все время чудится, что за мной по пятам движется темная туча. Мои родители были жутко нервными людьми. Думаю, это передалось и мне.

Мы подходим к факультету СМИ, и Чейс, как всегда, открывает передо мной дверь. Этого достаточно, чтобы я расплылась в улыбке:

– Спасибо.

– Без проблем, мэ, – отзывается он с сильнейшим американским акцентом.

– Кошмар. Тебе не стыдно?

– Ой, ладно, все! – Он утомленно закатывает свои малахитовые глаза.

Мы идем в монтажное отделение. В коридорах очень тихо. Мы с Чейсом оба надеемся, что диплом на тему создания кино- и телефильмов поможет нам получить работу, связанную с кино или хотя бы с телевидением. Вот было бы круто переехать в Лос-Анджелес! И в то же время страшно: вдруг я не смогу устроиться по специальности и всю жизнь так и проработаю официанткой. К тому же американцы ездят не по той стороне дороги.

– Почему так тихо? – шепотом спрашиваю я.

– Потому что сейчас половина восьмого утра, Лайла. Нормальные люди не ходят на лекции по утрам, – насмешливо замечает он.

Мы забронировали монтажную на самое раннее время из-за того, что я до последнего момента откладывала работу над проектом. В этом семестре так много задавали, что я с трудом успевала. К счастью, у Чейса дела с учебой гораздо лучше, чем у меня, поэтому он предложил мне помочь. Можно было бы углядеть в этом предложении некий подтекст, но я не сомневаюсь, что Чейс сделал это в порыве великодушия.

– Да неважно, – ворчу я, хотя понимаю, что он прав.

Да, я жаворонок, но еще ни разу не приходила в кампус в такую рань. И если бы я не была на грани отчисления из-за рекламного проекта, то ноги бы моей здесь не было до восьми утра.

Мы заходим в монтажную. Чейс возится с программами для видеомонтажа, а я, затаив дыхание, достаю телефон.

Пожалуйста, пожалуйста, пусть там будет сообщение от Сонни.

Ничего, только письмо от Айзека – он пишет, что еще не видел Сонни. Второе письмо от Райли, который просит меня передумать и все-таки приехать на День святого Валентина. Но я не могу вернуться домой, и препираться с ним мне сейчас тоже некогда. Мне необходимо получить хорошую оценку за задание.

– Никаких новостей, – говорю я, закусывая губу, и чувствую, как внутри опять поднимает голову беспокойство.

– Это еще не значит, что с ним случилось что-то плохое, Лайла.

– Знаю. Но я все равно хочу, чтобы он объявился поскорее.

– Так и будет. Скоро объявится.

Чейс отводит взгляд. Он тоже волнуется. И от этого мне становится совсем плохо. В нашей компании Чейс – единственный, кто сохраняет трезвую голову в любой ситуации. Уж если Чейс заволновался, значит, остальным давно пора психовать. Я прямо чувствую, как меня окутывает липкий страх.

– Тебе не кажется... не кажется, что пора заявить о пропаже? – спрашиваю я, нервно водя пальцем по кнопкам клавиатуры.

– Лайла, – произносит Чейс.

Но я не могу заставить себя посмотреть на него, боюсь, что потеряю остатки храбрости. Тогда он аккуратно приподнимает мое лицо за подбородок и смотрит мягко и успокаивающе.

– Полиция все равно ничего не предпримет, пока с момента пропажи не пройдет двадцать четыре часа. Но мы поговорим с охраной студгородка и узнаем, не видели ли они его. Идет?

– За двадцать четыре часа может произойти очень много всего, Чейс.

Два года назад моя жизнь перевернулась с ног на голову за гораздо меньшее время.

– Я знаю, но существует полицейский протокол, и изменить его мы не в состоянии. Поэтому давай сосредоточимся на твоём проекте и приведем его в порядок. Нужно наложить на видео другой саундтрек, если тебе не нравится этот. Поработаем часов до десяти и домой.

– Ладно, – киваю я. – Хорошо. Спасибо тебе.

Чейс улыбается мне уголком рта, отчего на его щеке возникает очаровательная ямочка, но его взгляд остается пустым.

– Итак. – Он кликает мышкой, и этот звук возвращает меня к заданию. – Сделать или умереть.

Умеет он подбодрить. Но я послушно берусь за работу.

5

Пятница Второе февраля

Несмотря на возмутительно раннее утро, мне все же удастся задать отличный рабочий темп. Когда наше время подходит к концу, Чейс бронирует монтажную на завтра, на то же время. Завтра – суббота, так что, наверное, я захвачу с собой и свою кружку, а лучше – целое ведро кофе. Мы очень продуктивно поработали над моим рекламным проектом, но по дороге домой я вдруг снова разворчалась.

– И тут все красно-розовое и сердечнущее. – Киваю в сторону витрины кафе. Буду обходить его стороной, пока декорации не сменят к Дню святого Патрика.

– Через две недели все это отправится в мусорку. – Чейс смотрит на меня своими изумительно-зелеными глазами, и у меня внутри все опять превращается в кисель. – Лайла, побольше оптимизма.

Ну что ж, если наши отношения и правда будут двигаться в том направлении, в которое я с надеждой вглядываюсь последние полтора года, тогда, быть может, я и правда начну более позитивно смотреть на мир. Было бы неплохо отвлечься, наполнить эти мрачные дни хоть чем-то хорошим.

– Я не пессимистка, я – реалистка, – говорю я.

Ну ладно, реалистка с большой натяжкой. Иногда я рассуждаю, как жалкая одинокая старуха. День святого Валентина просто невыносим, когда он совпадает с днем семейного горя. Да плюс еще мучительная любовь к человеку, который даже не подозревает об этом. До сих пор помню, как мы с Чейсом встретились впервые. Он выглядел так, словно только что сошел с рекламы «Кельвин Кляйн», – темно-русые волосы, поджарое тело, море обаяния. Короче, он ворвался в мой мир, как ураган.

А я? Замкнутая, неуклюжая коротышка. Волосы у меня такие светлые, что кажутся бесцветными. Глаза – невыразительные и темные. Хотя, быть может, я чувствую себя такой только в его присутствии? В любом случае мы не подходим друг другу, и, чем быстрее я с этим смирюсь, тем лучше. Правда, пока что-то не выходит. Чейс пересказывает мне трейлер какого-то фильма, а я уже представляю, как мы сидим в кино, прижавшись друг к другу, и поедаем попкорн из одного ведерка.

Как-то не вовремя, Лайла. Сосредоточься. Мы сворачиваем на свою улицу, и тут я случайно на кого-то налетаю. На человеке длинное пальто из черной кожи, под пальто – темно-серая толстовка. Капюшон толстовки низко надвинут на глаза.

– Извините, – бормочу я, обращаясь к той единственной части его лица, которая мне видна, – подбородку, густо покрытому темно-коричневой щетиной.

– Ага, – бросает парень и отступает в сторону.

Голос у него очень низкий, но звучит фальшиво, как будто он пытается его подделать. Но зачем? Я чувствую, как он провожает меня глазами, как его хищный взгляд утыкается мне в спину.

Чейс приподнимает брови – кажется, парень и ему не понравился. Я оглядываюсь, но незнакомец уже исчез. Мы идем дальше, но мою грудь сдавливает от беспокойства.

– Похоже, фрики выползают из нор не только на Хеллоуин, – бормочу я.

– Да. Он был похож на смерть в капюшоне, – говорит Чейс.

– Дело не в одежде. Просто жутковатый тип. Пугающий.

– Да он тебя и не видел толком, он же капюшон натянул до самого носа!

Уверена, он меня отлично видел.

– Ну и что с того, что натянул?

– Ну, не всех же боженька наградила такой роскошной шевелюрой!

Чейс проводит ладонью по своим кудрям, пропускает их сквозь пальцы. Я выдергиваю руку из кармана и шлепаю его по плечу. Он со смехом отмахивается от меня.

– Прости, детка. Забудь об этом. Он уже ушел.

Всю жизнь слушала бы, как он называет меня деткой.

Чейс идет дальше, я тороплюсь за ним, стараясь приноровиться к его летящей походке. Боюсь отстать.

– Лайла, я прямо слышу, как у тебя в голове крутятся шестеренки. Что ты психуешь?

Я встряхиваю головой, и волосы падают мне на лицо. Откидываю их назад.

– Меня напугал этот чувак.

– Господи, как же ты переживаешь первое апреля или Хеллоуин?

– Ну, эти праздники мне нравятся. В эти дни *положено* пугать и разыгрывать людей.

– Тебя не разберешь.

Тебя тоже. Мы подходим к нашей двери, и я лезу в карман за ключами. Чейс стоит позади, и от этого у меня голова кружится. Его теплое дыхание раздувает мои волосы и касается уха. Так, нужно сосредоточиться. Ключ в замок. Ну же, Лайла.

Я неверной рукой вставляю ключ в скважину, и зеленая дверь со скрипом открывается.

– Сонни? – зову я, едва переступив порог.

Но ответа нет.

У меня сжимается горло. Я хочу знать, что он в порядке. Прошло больше двенадцати часов с тех пор, как мы видели его в последний раз.

– Старик, ты здесь? – подключается Чейс.

В ответ – тишина. В доме никого. Я оглядываюсь на Чейса, закусив нижнюю губу, и растерянно пожимаю плечами. Чейс достает телефон.

– Стоп... у него же сейчас лекция, разве нет?

– Да! – восклицаю я. – Он вечно жалуется, что у него по пятницам всегда нагрузка больше, чем в любой другой день. Может, вернемся в кампус, поищем его?

Чейс дергает плечом.

– Конечно, мы только что вернулись, но хоть перестанем волноваться, когда посмотрим на него, – добавляю я.

– Да я не против, но ты что, ворвешься в аудиторию? Или будем следить за ним, как маньяки? – Губы Чейса вздрагивают в улыбке.

– Да плевать, если это поможет убедиться, что он в порядке!

– Ну о'кей.

Понятно, что Сонни мог уйти обедать или отправиться к друзьям, но мы все равно не в состоянии спокойно сидеть и ждать, когда же он наконец объявится.

– Ты права. Надо его найти. – Чейс выходит за порог. – Пошли скорее, а то лекция скоро закончится.

Я снова запираю дверь и достаю телефон. Там только одно новое сообщение, от Сиенны. Она пишет, что они с Айзеком не видели Сонни. Шарлотта тоже поищет, хотя они с Сонни не пересекаются.

Наша Шарлотта ходит только на лекции или в библиотеку, а большую часть времени сидит дома и выходит только тогда, когда нам с Сиенной удастся ее вытащить. Сонни, тот вообще за все время учебы был в библиотеке всего один раз – когда требовалось срочно зазубрить что-то перед экзаменами.

Мы с Чейсом мчимся обратно в кампус, не останавливаясь, чтобы перекинуться словом со знакомыми. Лекция Сонни вот-вот закончится, и тогда мы его упустим. Проносимся мимо приятелей, коротко махнув им рукой, но сейчас мне плевать на грубость. Нервы у меня натя-

нуты, как струны, и я не успокоюсь, пока не увижу Сонни или не получу от него хоть какое-нибудь сообщение.

Впереди уже маячит математический корпус.

– Пожалуйста, будь там, будь там! – бормочу я, стараясь подавить жгучее волнение.

– Лайла, я уверен, что с ним все хорошо, – говорит Чейс.

Его глаза темнеют от волнения, он смотрит на меня, как на хрупкого, незащитного ребенка. Такой он меня еще никогда не видел, и я не хочу, чтобы увидел. Незачем ему знать, какой я была раньше, это может его отпугнуть. И вообще он и без того очень заботлив.

– Я просто волнуюсь за друга, – говорю я, выдавливая из себя самую безмятежную улыбку, на какую только способна. – Меня бесит, что я не знаю, в порядке ли он. Наверное, ты прав, он сейчас сидит в аудитории, свесив голову над конспектом, и пытается побороть худшее похмелье в своей жизни.

Я сама себе не верю. Думаю, и Чейс тоже, – улыбка у него вялая и неубедительная. Чейс берет меня за руку. Уцепившись за него, заглядываю в широкое окно аудитории. В горле так пересохло, что, кажется, еще чуть-чуть, и я задохнусь.

– Его здесь нет, – шепчу я.

Все три ряда заполнены студентами, которые слушают лекцию. Но Сонни среди них нет.

– Ты уверен, что это аудитория Сонни?

– Да, я как-то заходил сюда вместе с ним, – говорит Чейс. – Смотри, одно сиденье пустое.

– И что теперь делать?

– Идти к охране студгородка, – тихо отвечает Чейс.

– Пошли.

Я прерывисто вздыхаю.

– Охранники подскажут, что делать до того, как идти в полицию и заявлять о пропаже. Может, он даже засветился где-то на камере, – добавляет Чейс.

Боже, хоть бы он оказался прав. Я никогда не забуду, как сидела, словно в вакууме, в больнице и ждала новостей о родителях. Когда мир рушится, каждая секунда превращается в вечность. Это настоящая пытка. И сейчас я снова должна пройти через это. Чейс тянет меня за руку, но я все стою на месте, словно вросла в землю.

– Прости.

Я наконец отворачиваюсь от окна и иду за Чейсом. Держусь за его руку, как за якорь, но меня это не спасает. Мы идем в студенческий профсоюз, там же находится и отделение охраны студгородка. За стойкой в приемной нас встречает огромный, как танк, мужчина. Смотрит он на нас дружелюбно, даже улыбается. Кажется, я его знаю. Охранники часто ходят по территории, но раньше я не особо обращала на них внимания. Не было необходимости.

– У вас все хорошо? – спрашивает он.

– Нет, – отвечаю я дрожащим голосом, с головой выдавая свое волнение. – Наш друг пропал. Мы не видели его с прошлого вечера. И это совершенно на него не похоже. Он всегда приходит домой ночевать. Всегда!

Охранник мрачнеет.

– Зайдите-ка на минуту, – говорит он, покидает стойку и проходит в небольшую переговорную.

– Меня зовут Пол, – сообщает он, закрывая дверь, пока мы рассаживаемся, потом достает из кармана блокнот и ручку. – Имя вашего друга?

– Сонни Джеймс, – отвечаю я.

– Где и при каких обстоятельствах вы видели его в последний раз?

– Вчера, примерно в половине одиннадцатого вечера.

Мы с Чейсом пускаемся в подробный рассказ. Офицер Пол мрачнеет, складки у него на лбу становятся глубже.

– И вы не знаете, кто прислал эти записки?

– Не имеем ни малейшего понятия. Они не были подписаны, – говорит Чейс.

– А куда Сонни ходил вчера вечером?

– Он решил не оставаться на афтепати и отправился на свидание с какой-то девушкой, кажется, из города. – Я пожимаю плечами.

Чейс откашливается.

– Сонни мог поехать к ней, такое бывает, но он никогда не остается на всю ночь.

Офицер кивает:

– Ладно. Я соберу еще какую-нибудь информацию, а потом перекинусь словом со своим другом из полицейского участка.

Я моментально падаю духом. Я так надеялась, что нам удастся решить все это быстрее.

– Спасибо.

Мы диктуем офицеру наш адрес и отвечаем на вопросы, которые могут возникнуть у полиции.

– Так, хорошо, – говорит Пол. – Я проверю камеры актового зала, но, если после концерта ваш друг уехал в город, это нам вряд ли поможет. Запишите мой телефон и оставьте свои. Если Сонни вернется домой, немедленно дайте мне знать. А я покажу его фото остальной команде.

– Спасибо вам огромное.

Мне становится чуточку легче. Я так рада, что он сразу взялся за дело. Наверное, он уже сталкивался с подобными случаями. И возможно, они заканчивались хорошо. Пол заверил нас, что сделает все, чтобы найти Сонни.

У меня по пятницам нет лекций, мне заняться нечем. И я терпеть не могу ждать, просто не выношу. А впереди нас ждет очень долгий вечер.

6

Суббота Третье февраля

Утро. На часах – пять сорок пять. Кажется, мне все-таки удалось поспать несколько часов. Не думаю, что остальные спали дольше: мы все уже сидим на кухне и смотрим друг на друга остекленелыми глазами. На нашей кухне ровно шесть стульев, и отсутствие Сонни режет глаз.

Вчера примерно в девять вечера к нам пришел полицейский, чтобы взять показания. Они с охранником сошлись во мнении, что, учитывая все обстоятельства, а также то, что для Сонни совершенно нехарактерно ночевать вне дома, не выходить на связь и пропускать лекции, следует как можно скорее начать расследование. Нам всем здорово не по себе. Полицейские сказали, что нужно связаться с родителями Сонни и администрацией университета.

– Как думаете, мы скоро что-нибудь узнаем? – спрашиваю я.

Чейс пожимает плечами.

Сонни не засветился ни на одной из университетских камер в тот последний вечер, а мы сами уже обыскали, обошли все места, где он мог бы быть.

– А вам не кажется, что мы должны быть... ну... не здесь? – подает голос Сиенна. – Что нам тоже надо искать его, и все такое? Он ведь мог попасть в беду. Его могли ранить.

– Нам велели оставаться здесь, – качает головой Айзек. – Я думаю, надо дождаться полиции, прежде чем что-то делать.

– А вдруг случилось что-то ужасное? – Я решаюсь произнести вслух то, что никто другой сказать не посмел.

– Не надо, Лайла. – Чейс отводит взгляд.

– А разве не лучше, если мы, наоборот, обсудим это? Подготовимся на всякий случай. Мы же все понимаем, что дело серьезное, – быстро говорю я, поддавшись растущему внутри беспокойству.

Все молчат. Единственное, на что остается надеяться, так это что полицейские все-таки найдут Сонни. Они уже связались с его родителями и старыми друзьями. Домой он не возвращался. Я сжимаю пальцами виски и крепко зажмуриваюсь. Когда мы с братом ожидали новостей от родителей, было очень тихо. Эта тишина душила нас. И было так одиноко. А мы, вместо того чтобы посмотреть правде в глаза и поддержать друг друга, сидели и молчали. И когда врач сообщил нам, что мамы больше нет, я даже не нашлась что сказать. Слова застряли в горле. Я молчала, и у меня катились слезы.

– Пойду в душ. – Я поднимаюсь на ноги.

Не могу вот так сидеть и истязать себя, это сводит с ума. Я быстро выхожу из комнаты, чтобы никто не успел меня остановить, но не похоже, что кто-то пытался. Друзья знают о смерти моих родителей, но о том, что было после, о моем нервном расстройстве, им не известно. Райли – единственный человек, который все видел. Мне не стыдно за свои чувства, но я все равно не хочу говорить об этом.

С тех пор я стала сильнее; мне нравятся изменения, которые во мне произошли. Но сейчас, когда Сонни пропал, я вдруг будто вернулась в прошлое. Приняв душ, уже целый час сижу в своей комнате, применяя дыхательную технику, которой меня учили. Когда пора будет идти в монтажную, Чейс за мной зайдет. Если бы критическое положение с проектом, я бы забила на учебу. Но, с другой стороны, мне необходимо занять чем-то голову, поэтому мы с Чейсом идем работать. Пожалуй, еще пара раз в монтажной, и дело в шляпе.

Морозный ветер бьет прямо в лицо. Я обхватываю себя руками. Сегодня очень холодно, и мне не терпится снова оказаться в тепле.

– Давай снова сходим в охрану, когда закончим, – предлагаю я. – Может, есть какие-то новости. Или сразу заглянем к ним?

Чейс косится на меня и крепко сжимает губы. По-моему, чем дольше от Сонни нет вестей, тем больше Чейс убеждается в том, что с ним и правда случилось что-то плохое. Накануне вечером к нам заходила офицер полиции. Полицейские пытались дозвониться до родителей Сонни, но сработал автоответчик. Конечно, волноваться рано, это еще не значит, что Сонни и там нет. Но я все равно психую, от всей души надеясь, что он и правда уехал домой, просто забыл нам об этом сказать. Хотя это никак не объясняет, почему он не берет трубку и не отвечает на сообщения.

– Мы зайдем, как только ты закончишь работу. Чем больше времени пройдет, тем выше вероятность, что появятся какие-то новости. А так ты только будешь отвлекаться и все завалишь. Лучше переключись на то, что от тебя зависит, – закончи свой проект.

Я вздыхаю, но Чейс прав. Мы сворачиваем в коридор с монтажными, и я открываю дверь, ведущую в девятую комнату. В нос сразу бьет жуткая вонь, затем перехватывает горло. Я захожусь кашлем и так резко захлопываю нос и рот ладонью, что, наверное, останется синяк.

– Что это такое? – невнятно бормочу я.

Чейс так же невнятно и отрывисто отвечает что-то, закрываясь рукавом, а затем включает в темной комнате свет.

И мир замирает.

О господи.

Сонни!

Он сидит в углу, привалившись спиной к стене, словно решил вздремнуть. Вот только это не похоже на сон. Его грудь залепана багровыми пятнами. И рубашка, что-то не то с его рубашкой...

У меня резко подламываются коленки, как будто все мое тело неожиданно стало в несколько раз тяжелее. Я оседаю на пол и успеваю упереться ладонями, чтобы не упасть, в ужасе глядя перед собой. Сначала мне показалось, что его рубашка разорвана, но это не рубашка, это его грудная клетка *разорвана!* Из-за пятен крови я не сразу поняла, но теперь отчетливо вижу ее – длинную дыру прямо по центру.

Чейс пятится назад и случайно задевает ногой мою коленку. Испуганно охает, рывком оборачивается и с изумлением замечает меня на полу. Глаза у него стали огромными, как блюдца. Чейс опускается на корточки передо мной, касается моей щеки трясущейся рукой.

– Лайла, – шепотом произносит он, задыхаясь, как будто говорит на бегу.

– Он... мертв. – Мне кажется, у меня остановилось сердце. – Мертв, – повторяю я.

Это все, что у меня получается произнести. Он мертв, а мы сидим рядом с его трупом. Сердце снова подскакивает в груди.

Я хочу выбраться отсюда!

– Господи, он мертв, Чейс! Мертв!

– Лайла... – Чейс обхватывает меня за плечи и поднимает на ноги. Его взгляд мечется, он совершенно не знает, что делать.

Наш друг мертв!

– Я не могу здесь оставаться, Чейс!

Слезы сами льются из глаз. Бешено стучит в венах кровь.

От едкого запаха крови горит в носу. Все это – перебор для меня, я не могу сейчас думать об этом. Нам нужна помощь!

– Сонни мертв, Сонни мертв...

Сколько бы я ни повторяла эти слова, все равно не могу заставить себя в них поверить. Может, я сплю? И все это кошмарный сон?

Чейс машинально кивает и, не отрывая от меня взгляда, придерживая меня, пятится к двери. Мне хочется еще раз взглянуть на Сонни, убедиться, что я ошибаюсь, но Чейс притягивает меня, как магнит, я не могу оторвать от него глаз. Мы вываливаемся в коридор, и он захлопывает дверь. Все так же глядя на меня, достает из кармана телефон.

– Да, – шепчу я, – полиция.

Неужели все это наяву?

Я прислоняюсь к стене. Как только Чейс отпускает меня, соскальзываю вниз по стене и бухаюсь на пол. Тут же съеживаюсь, прижимаю колени к груди и крепко обхватываю их руками.

Сонни мертв. Мертв. И не просто мертв, его убили. *Сонни убили*. Картинка перед глазами расплывается, я словно куда-то проваливаюсь. Все кажется бестолковым и бессмысленным, реальность превращается в выдумку. Этого просто не может быть. Да, Сонни не подарок, но никому и в голову не пришло бы его убить!

Я слышу шаги и голоса. Я точно слышу, как Чейс разговаривает с кем-то, но сама застряла где-то в безвоздушном пространстве, пытаюсь постичь всю эту бессмыслицу. Кто-то присаживается передо мной на корточки, загораживая свет. И эта перемена действует на меня, как отрезвляющая пощечина, мигом вышибая из транса. Я сажусь прямее; сердце стучит, как отбойный молот.

– Простите, если напугала. Я – детектив Эвелина Сондерс, но вы можете называть меня Лина. Мы сейчас все вместе пройдем в кабинет, туда, в конец коридора. Я дам вам попить воды, хорошо?

– У вас есть вопросы, – бормочу я.

– Да, но сначала ты выпьешь воды или чаю.

Чейс протягивает мне ладонь. Никогда еще я не была так благодарна ему за поддержку. Я беру его за руку и сразу чувствую себя намного крепче. Он помогает мне подняться и не отпускает, даже когда я встаю на ноги.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

Я качаю головой и в тот же момент снова начинаю оседать, это так неожиданно, что я чуть не утягиваю и его за собой. Но Чейсу удается устоять и поддержать меня.

– Все будет хорошо, Лайла. Все будет хорошо, обещаю.

Мне бы его уверенность. Нашего друга убили. Надругались над телом. Я уже никогда не смогу забыть дыру у него в груди.

Понимаю, что иду куда-то, переставляю ноги и все такое, но все равно не могу до конца осознать. Я словно под заморозкой. А ведь придется говорить с детективом о Сонни. Рассказывать, что мы увидели, хотя детектив видела то же самое. Но я не хочу говорить об этом.

Лина открывает дверь в какую-то комнату. Внутри – маленькая кухня и несколько диванов. Похоже на комнату отдыха для персонала, но сейчас здесь пусто. Ах да, суббота же.

Чейс останавливается перед ярко-синим диваном.

– Лайла, присядь, – говорит он мягко, как ребенку.

Лоб у него озабоченно наморщен, вид испуганный. Он боится за меня.

– Извини, – бормочу я и делаю, как он просит, но все равно не выпускаю его руку, так что ему приходится опуститься на диван рядом со мной. – Я в порядке. Сейчас я приду в себя.

– Все нормально. – Он едва заметно улыбается уголком рта. – Думаю, мы сейчас оба в состоянии шока.

– Прости, что напугала.

– Не извиняйся.

Прости.

– Чейс, Лайла, выпьете чего-нибудь? – спрашивает детектив.

– Да, кофе, пожалуйста, – хором отвечаем мы с Чейсом.

Чтобы вырваться из этого кошмара, потребуется убойная доза кофеина.

– Кажется, есть только растворимый. Ничего?

Мы киваем. Как странно – думать о том, какой кофе лучше, когда в монтажной сидит Сонни с разорванной грудной клеткой. Мертвый. У меня снова льются слезы. Ну зачем, зачем кому-то понадобилось его убивать? За что причинять ему вред? Я слышу, как где-то закипает электрический чайник. Шумит все громче и громче. Лина звенит посудой, доставая кофейные кружки и ложки. Чейс сидит рядом и пялится в какую-то точку на полу, но там ничего нет.

– Чейс, ты как? – шепотом спрашиваю я.

– Сам не пойму, – передергивает он плечами.

Я тоже.

Возвращается детектив Лина, ставит на кофейный столик перед диваном белый поднос. Берет в руки чашку чая с молоком и присаживается. Я тянусь за кофе. Он такой горячий, что невозможно пить, но мне необходимо занять чем-то руки. Я чувствую, как нарастает беспокойство. Мы с Чейсом молча сидим и ждем, когда детектив заговорит. А она достает из сумки ручку и блокнот, вытаскивает что-то еще. Диктофон. Ну конечно, она собирается записывать наш разговор. Ведь именно так всегда поступают полицейские. Потом они будут прокручивать запись снова и снова, слушая рассказ о том, как мы нашли труп своего друга.

Она нажимает на кнопку, и загорается маленькая красная лампочка. Детектив просит нас представиться, а потом спрашивает:

– Как вы себя чувствуете?

Чейс снова пожимает плечами.

– Не знаю, – отвечаю я. – Не могу понять, как этот... кем бы он ни был, мог взять и убить Сонни? Зачем надо было вот так его... вспарывать?

– погоди-погоди, – прерывает меня Лина, поднимая свободную руку. – Давай начнем с начала, а потом уже будем искать ответы на вопросы.

Я киваю.

– Как я поняла, прошлой ночью местная охрана объявила, что Сонни пропал, – продолжает она.

– Да, – подтверждает Чейс. – Он ушел в четверг вечером, но в пятницу утром так и не вернулся. А он всегда возвращается. Мы поговорили с охраной, и тот тип, Пол, сказал, что сообщит в полицейский участок. До этого Сонни получил несколько писем с угрозами, поэтому к нам пришла полиция и мы заполнили заявление о пропаже.

Лина кивает, опускает чашку и просматривает свои записи.

– Да. Я читала это заявление. А что случилось сегодня утром?

– Мы с Чейсом собирались поработать над моим рекламным проектом в монтажной. – Я выпрямляюсь. – Когда мы пришли туда... Я сразу поняла, что что-то не так, как только мы открыли дверь. Там был... запах. Чейс включил свет, мы вошли в комнату и увидели Сонни.

– Вы не знаете никого, кто хотел бы причинить Сонни вред? Были у него враги?

– Нет, – отвечает Чейс. – Сонни был прямолинейным человеком. Иногда это бесило людей, но врагов у него не было. Он никогда намеренно никому не вредил. Его не за что было ненавидеть.

– Он – хороший человек. Был хорошим человеком, – поправляюсь я. – Не могу представить никого, кому бы захотелось причинить ему вред или прислать эти... записки.

Лина кивает:

– Сонни не ходил в этот корпус на занятия, я правильно понимаю? Судя по университетским документам, он учился на инженерном.

– Да, из всей нашей компании только мы с Лайлой сюда приходим...

Чейс бросает на меня взгляд, и тут до нас доходит, почему она об этом спрашивает. Почему Сонни оказался именно в той монтажной, которую забронировали мы с Чейсом? У меня отвисает челюсть.

– Кто бы ни убил Сонни, он хотел, чтобы его нашли мы, да?

– А кто знал, что вы будете здесь? – спрашивает Лина, пропуская вопрос мимо ушей.

Я мотаю головой:

– Мы заранее бронировали комнату, так что узнать мог кто угодно. Но зачем убийца хотел, чтобы Сонни нашли именно мы?

Детектив Лина не знает ответа, но мне просто необходимо знать! В голове у меня все путается, дышать тяжело.

– Мы сделаем все возможное, чтобы выяснить это, Лайла. Расскажите теперь, где вы двое были прошлым вечером?

Она же не думает, что это мы его убили? Хотя, с другой стороны, все знают, что в первую очередь всегда подозревают самое близкое окружение. Я бросаю на Чейса быстрый взгляд – он мрачно смотрит на Лину.

– Заявив о том, что Сонни пропал, мы сразу же отправились домой ждать его. Потом приехала полиция и взяла у нас показания, – говорю я. – И у наших соседей тоже.

– Мы были в доме всю ночь, мы все, – добавляет Чейс, давая понять, что у нас есть железное алиби. И свидетели.

Детектив улыбается:

– Хорошо.

Поставив локти на колени, Чейс закрывает лицо ладонями. Через пару секунд он снова поднимает голову и откашливается.

– Мы в опасности? – Его вопрос адресован детективу, но взгляд устремлен на меня.

Об этом я не подумала.

– Давай не будем забегать вперед, Чейс. Мы все будем очень осторожны, но пока нет оснований полагать, что вы в опасности.

– Серьезно? – Чейс начинает закипать. – Мы нашли Сонни в нашей монтажной!

– Да, но эта монтажная расположена ближе всего к заднему входу. Это – первая комната, которую видит любой, кто входит в здание с той стороны. К тому же корпус граничит с улицей и задняя дверь не видна за деревьями. И письма предназначались лично Сонни, а не кому-то из вас.

– Так вы думаете, это совпадение? – спрашиваю я с надеждой.

– Я этого не говорила, но вполне возможно. Нужно дождаться отчета криминалистов. Судя по тому, что в монтажной крови нет нигде, кроме самого тела, можно предположить, что вашего друга убили в другом месте, а сюда перенесли чуть позже. Но мне не хотелось бы поднимать панику раньше времени, это само по себе может привести к серии происшествий. Так что пока нет доказательств обратного, будем считать это единичным случаем, – пытается успокоить нас детектив Лина. – Сейчас послушайте о некоторых мерах предосторожности, которые вам следует соблюдать в дальнейшем. Но подчеркиваю еще раз: нет никаких признаков того, что у преступника было несколько целей.

– Ладно, – говорю я и сглатываю. У меня пересохло в горле.

Детектив объясняет, что мы должны продолжать жить нормальной жизнью. Но как человек может нормально жить после того, как увидел то, что видели мы? Я вот совсем не уверена, что у меня получится вернуться к нормальной жизни. Чейс хмурится, щурит один глаз. Он всегда так щурится, когда очень расстроен или напряжен. Похоже, он считает, что Лина относится к этому делу недостаточно серьезно. Но что она может сделать? Сонни мертв, и его уже никто не спасет. Доказательств, что убийца Сонни нацелился на нас, нет. И что она может? Приставить к нам охрану?

– Значит, будем бездействовать? Типа сегодня обычный день? – возмущается Чейс.

– Хорошо, давайте обсудим, можете ли вы еще как-нибудь помочь расследованию. Вы очень поможете, если не сообщите о случившемся СМИ и не будете публиковать подробности расследования в социальных сетях или на сайтах. В остальном я не вижу причин, по которым вы не можете вести обычный образ жизни. Я готова направить вас к замечательному психологу, который специализируется на чрезвычайных ситуациях...

– Да не нужен он мне. – Чейс прерывает детектива на полуслове и поднимается на ноги. – И я не собирался зарабатывать бабки на этой истории. Если это все, мы можем идти? Я хочу на воздух. Хочу домой.

Детектив предлагает подвезти нас – полицейские хотят поговорить с нашими друзьями: сообщить им новости, задать вопросы. Но нам обоим необходимо прийти в себя. Мы говорим, что пройдемся пешком. Точнее, Чейс практически выкрикивает это.

Я поднимаюсь на автомате, как робот. Сердце все так же колотится. Обычно Чейс никогда не позволяет эмоциям взять верх над собой, поэтому его бурная реакция настораживает. Но, с другой стороны, если уж слетать с катушек, то именно сейчас, когда мы нашли своего друга мертвым.

– Можете идти, – говорит детектив Лина. – У вас есть мой телефон. Пожалуйста, звоните, если вам что-нибудь понадобится. Я буду на связи.

Я киваю, поворачиваюсь, чтобы выйти к двери, и чуть не падаю – Чейс так стремительно вылетает за дверь, что едва не сбивает меня с ног.

– Эм-м... до свидания, – бормочу я и выхожу вслед за ним.

Он сам на себя не похож. Но это и неудивительно после того, что с нами произошло.

Когда я выхожу в коридор, ко мне тут же обращаются все взгляды. Несколько полицейских молча смотрят мне вслед, пока я иду к главному выходу. Немногочисленные студенты и преподаватели, слоняющиеся по холлу, также пялятся на меня. Я опускаю голову и иду так быстро, как только могу, толкаю двойные двери и выхожу на крыльцо.

– Чейс, – шепотом зову я.

Он стоит, прижавшись спиной к перилам и опустив голову, и упирается ладонями в колени. Но он точно слышит меня, потому что при звуке моего голоса набирает в легкие побольше воздуха.

– Что там произошло? – спрашиваю я, коснувшись его плеча.

Даже сквозь плотную ткань куртки я чувствую, как напряжена его рука, она твердая, как камень. Чейс вскидывает голову и смотрит на меня с болью в глазах. Лицо у него такое бледное, словно он лет сто не видел солнца.

– Сердце Сонни пропало.

– Что?!

– Я сразу понял, что чего-то не хватает, как только мы его увидели, но не догадался что. Я же не знаю, как выглядит тело изнутри.

Перед глазами все кружится. Я встряхиваю головой и поднимаю руку, чтобы он замолчал.

– погоди, Чейс, стой. О чем ты вообще? Откуда ты знаешь?

– Я слышал полицейских в коридоре. Когда я выходил, они говорили с кем-то из судебной экспертизы. Этот сукин сын, который убил Сонни, он вырезал его сердце, а тело подбросил нам в монтажную, а эта детективша уверяет нас, что мы в безопасности!

Чейс вне себя от ярости. А я не могу больше сопротивляться. В глазах темнеет, все плывет, и Чейс превращается в одно размытое пятно – так скрывают наготу в дневных телепередачах. Я хватаюсь за перила, а Чейс прижимает меня к себе. Мы стоим, поддерживая друг друга.

– Дыши, Лайла, – шепчет он мне на ухо.

Я послушно делаю глубокий вдох. Ледяной воздух обжигает.

– Ты уверен, что это правда? Разве судмедэксперту не нужно было сначала осмотреть тело?

Да и вообще, кому может прийти в голову вырезать сердце?

7

Суббота Третье февраля

Я вроде бы передвигаю ноги, но ощущения, что я куда-то иду, нет. Каждый шаг дается с невероятным трудом. В голове полный сумбур от нежелания признать правду и одновременно от попыток смириться с ней. Сонни убит. Куда делось его сердце?

Чейс так сильно сжимает мою руку, что мои костяшки вдавливаются глубоко в его ладонь. Но я не жалуясь, потому что, как ни странно, боль помогает мне взять себя в руки.

Мы сворачиваем с дороги и сразу видим свой дом. Мне хочется бежать к нему, хотя я не представляю, что ждет меня внутри. По крайней мере, будем не первые, кто сообщит страшную новость. Это уже сделала за нас полиция минут сорок пять назад. Но полицейских машин у дома нет, значит, они уже уехали.

Шарлотта, Сиенна и Айзек, скорее всего, в шоке, убиты горем. И у них наверняка возник миллион вопросов, ответы на которые неизвестны.

Я уже тянусь к дверной ручке, но Чейс вдруг перехватывает мою руку. Я удивленно оглядываюсь.

– Думаю, не стоит им пока говорить о сердце Сонни.

– Что? Почему?

– Детектив об этом не упоминала. Значит, у полицейских есть причины не сообщать нам об этом. Такое бывает. К тому же... это не самые приятные новости, согласись.

Я киваю, потирая глаза основанием ладоней. Голова раскалывается.

– Я хочу сказать, давай подождем, пока полиция сама нам об этом скажет, – добавляет Чейс. – Пока что это известно только им и убийце.

– И нам, – шепотом добавляю я. – Как же мы это утаим? Ведь они – наши друзья. Они имеют право знать, как именно он умер!

– От этого им будет только больнее. Разве того, что его зарезали, недостаточно?

– Чейс, но ведь это бред какой-то!

– Если это всплывет, мы можем нарушить ход расследования, – вздыхает он.

Я молчу.

– Лайла, ты смотришь на меня так, словно я пытаюсь извлечь из этого какую-то выгоду. Это не так. Мы оба хотим, чтобы ублюдка, который убил Сонни, нашли, но если мы обнародуем эту информацию, можем замедлить расследование и подвергнуть себя опас...

– Ладно, – прерываю его я. – Я поняла, согласна. Но мне не нравится, что нам придется хранить от них что-то в секрете. И мы обязательно обсудим то, что ты слышал, с детективом Линой.

– Именно этого я и хочу, – кивает он.

Я открываю дверь. В доме стоит жуткая тишина. Оглядываюсь через плечо – убедиться, что Чейс рядом. Он коротко, но ободряюще улыбается мне. В гостиную мы заходим вместе.

Ребята сидят на диване. Айзек обнимает Сиенну – она промокает глаза бумажной салфеткой. Сам он смотрит прямо перед собой стеклянными глазами. Шарлотта пристроилась рядом, закрыв лицо ладонями. Когда мы появляемся в дверях, все поднимают головы.

– Не могу поверить, – ломким голосом говорит Шарлотта.

– Вы в порядке? – спрашивает Айзек. – Нам сказали, что это вы его нашли. Что...

К счастью, Айзек не договаривает, потому что я все равно не смогла бы описать, каково это было. Мне и так уже пришлось вдаваться в подробности во время беседы с детективом.

– Не скажу, что я в порядке, – говорю я. Сердце у меня скачет, как сумасшедшее. – Когда уехала полиция?

– Минут пять назад, – тяжело вздыхает Айзек. – Нам было особо нечего рассказывать, поэтому они недолго пробыли. Один осмотрел комнату Сонни.

– Как это возможно? – бормочет Сиенна, качая головой. – Этого просто не может быть.

– Есть вероятность, что кто-то специально оставил его там, чтобы мы с Лайлой его нашли. Какие предположения? Кто-нибудь мог затаить зло на нас троих? – спрашивает Чейс, усаживаясь на подлокотник дивана.

– Нет, мы так и сказали полиции, – отвечает Шарлотта. – Сонни любили далеко не все, но я не представляю, чтобы кто-то захотел сделать с ним... такое.

То есть выпотрошить его.

– Ладно. А как насчет нас с Чейсом? – спрашиваю я. – Не думаю, что у нас есть враги, но если кто-то хотел, чтобы его нашли именно мы... в этом есть какой-то личный мотив.

– Я заварю чай, – говорит Сиенна. – Кто-нибудь еще хочет?

Она встает и чуть не падает, но Айзек с кошачьей скоростью подхватывает ее.

– Все в порядке. – Сиенна отодвигается. – Я заварю на всех.

Мы с Сиенной отправляемся на кухню вместе. Выглядит она ужасно, плечи поникли, словно ей тяжело их нести.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, прислонившись к деревянной кухонной стойке.

Она, качая головой, наполняет чайник водой и достает из шкафа пять кружек. Обычно мы доставали шесть.

– Когда заявила полиция, я никак не ожидала, что они пришли сообщить о смерти Сонни, – тихо говорит она. – А то, что убийца подбросил его тело к вам в монтажную, перепугало меня до чертиков. Полицейские говорят, это может быть просто совпадение, – корпус СМИ так расположен, что туда очень удобно подбросить тело. Но я думаю, что Чейс прав. Это было сделано специально.

От слова «подбросить» у меня мурашки по коже. Сонни ведь не мешок с мусором.

– Мне тоже страшно. Не понимаю, кому понадобилось причинять вред Сонни... или нам с Чейсом.

Угольно-черные глаза Сиенны становятся просто огромными.

– Мы что, все в опасности?

– Честно говоря, не знаю. Он все еще стоит у меня перед глазами.

– Ох, Лайла, прости. Я тут распинаюсь о том, как мне тяжело, а ведь это ты нашла его.

– Это был кошмар. Я никак не могла оторвать взгляд, просто стояла и смотрела, смотрела.

А его грудь...

Поспешно прикусываю язык, чтобы случайно не проболтаться. Мне уже никогда не забыть то, что я увидела, но совсем не обязательно, чтобы этот ужас преследовал и Сиенну тоже.

Она прислоняется к стойке рядом со мной.

– Как ты думаешь, он мучился? – У Сиенны дрожат губы.

– Не знаю.

Судя по тому, что я успела увидеть, еще как мучился. Я отвожу глаза и обхватываю себя руками.

– Думаю, полиция вскоре найдет ответы. Я уверена.

– Правда? А я вот не чувствую, что мы в безопасности.

– Надеюсь. Мы должны надеяться.

– Как, по-твоему, что же случилось, Лайла? – спрашивает Сиенна, понизив голос.

Яжимаю плечами.

– Я думаю... Сонни гулял и ввязался в ссору с кем не надо. Тот вышел из себя и... пырнул его. А потом оттащил в первое попавшееся здание, в первую попавшуюся комнату.

А еще вырезал ему сердце.

– И эта единственная открытая комната по странному стечению обстоятельств оказалась именно той, в которую должны были прийти вы с Чейсом?

– Да. Если никто не бронировал другие комнаты, они остались закрытыми до начала занятий. Но мы забронировали эту на раннее утро, а значит, ее открыли накануне вечером, и она была открыта всю ночь, – предполагаю я. – Но давай не будем забегать вперед. Надо верить в то, что полиция знает, что делает. Как тебе кажется, может, нам связаться с родными Сонни?

– Даже не знаю. Давай выждем еще пару дней, вдруг они сами позвонят. Может, захотят поговорить.

– Может. Но мне хочется знать, что нам теперь делать.

Сиенна хмурится, склоняя голову набок:

– Мы сейчас ничего сделать не можем.

– Да. Ты права. Ничего, – отзываюсь я.

– Тебе необходимо себя чем-то занять?

У меня что, на лбу все написано?

– Я... я просто не люблю ждать. Я должна хоть что-то делать.

– У тебя же целая гора домашки, разве нет?

Я киваю.

– Ну вот и займись ею, если это тебе поможет.

Только сегодня утром мы нашли труп нашего друга. Вряд ли после такого можно спокойно открыть конспект и сосредоточиться на учебе. Но я понимаю, о чем она.

– Сиенна, а ты как спасаешься?

– Чай и слезы. Надо давать выход эмоциям. Можно кричать, можно плакать, лишь бы не держать в себе.

– Я запомню, – вздыхаю я.

Легко ей говорить. Держать все в себе – совсем не здорово, я знаю это по собственному горькому опыту, но поделаться с собой ничего не могу. Мне страшно давать волю эмоциям: вдруг не смогу остановиться? Именно так получилось, когда не стало родителей. Я потеряла над собой контроль.

В кухню заходят остальные.

– Выкладывай, Айзек, – говорит Шарлотта, бросая на нас с Сиенной многозначительный взгляд. – Он считает, что нашел подозреваемого.

– Говори, – подбадривает его Сиенна.

Айзек откашливается.

– Я думаю... я думаю, это Джейк.

– Не будь идиотом! – Слова вырываются у меня быстрее, чем я успеваю подумать.

– Ну послушай, Лайла. Полицейские сказали, что Сонни сначала убили, а потом перенесли тело в монтажную. Тот, кто это сделал, должен быть чертовски силен. Реально. А Джейк сильный. К тому же все это очень похоже на месть. Джейк, пожалуй, единственный человек, который мог желать Сонни смерти и при этом хотеть, чтобы именно ты его нашла.

– Ты серьезно? – Сиенна упирает руки в бока. – Ни за что не поверю. За что Джейку ненавидеть Сонни?

– Лайла считает, что между ней и Джейком не было ничего серьезного, – вздыхает Айзек. – Но Джейк может думать по-другому. Они с Сонни были хорошими друзьями, постоянно общались. Но потом Сонни стал упоминать о нем все реже и реже. Может, Джейк решил, что это из-за тебя?

Как-то не хочется в это верить, уж очень жалким и мстительным выглядит Джейк при таком раскладе, но кто знает? Возможно, именно такими и становятся все брошенные. Но в одном Айзек прав: Джейк действительно очень сильный. Кроме того, он мечтал стать хирургом и прилежно изучал медицину. Его знаний анатомии вполне хватило бы, чтобы вырезать человеку сердце.

От одной мысли, что это может быть Джейк, у меня сжимается горло. Я чувствую себя настолько виноватой, что вот еще немного, и задохнусь. Неужели все произошло из-за меня? Мой отказ привел к тому, что Джейк потерял друга, и это его добило...

Нет. Ерунда. Для убийства этого недостаточно, ведь правда?

– Давай представим. – Шарлотта делает глубокий вдох. – Джейк потерял девушку, которая ему нравилась, затем потерял друзей и вылетел из университета. Да, после того поцелуя прошел целый год, но, может быть, именно этот момент стал для него переломным, и после у него вся жизнь пошла под откос. Вдруг это... ну не знаю, надломило его?

Больше не могу их слушать. Они не хотят обвинять меня, но на самом деле именно это они и делают. Но я не виновата в том, что Сонни мертв!

Я встряхиваю головой:

– Пойду к себе. Мне нужно лечь.

– Лайла, не уходи, – просит Чейс.

– Со мной все в порядке. Я всего на минутку.

Вряд ли мне удастся вздремнуть после всех этих ужасов, но сейчас я хочу оказаться как можно дальше от людей, пусть даже они – мои друзья. На лестнице я слышу, как Сиенна опять начинает рыдать и как все остальные принимают ее утешать.

Вхожу в комнату и закрываю за собой дверь. В тишине и одиночестве мои мысли звучат все громче и отчетливее. А сколько вопросов! Вдруг в жизни Сонни происходило что-то серьезное, чем он не захотел делиться с нами? Насколько личным было это «что-то»? Ну а если не личное, тогда что же? Сколько времени и усилий понадобилось убийце, чтобы сотворить с ним такое? Нет, тут явно кроется что-то еще, о чем мы не знаем. Чтобы пойти на такой шаг, убийца должен был *по-настоящему* ненавидеть Сонни.

Я чувствую, как внутри меня закипает беспокойство; еще чуть-чуть – и взорвется. Если я не возьму себя в руки, то опять провалюсь в пропасть, к которой поклялась себе никогда не приближаться. Несмотря на помощь психолога и таблетки, а также поддержку Райли, я тогда была уверена, что уже никогда не выберусь из этой пропасти, не верну свою жизнь в старое русло. И сейчас не уверена, что мне хватит сил проделать все по новой.

Я подхожу к окну, чтобы задернуть шторы, и бросаю короткий взгляд на улицу.

Это еще что?

Перед нашим домом клубится огромная толпа людей. Много соседей. Как будто пришли на всенощную. Вокруг разбросаны лепестки роз. Целое море лепестков. Похоже, это они сами их разбросали.

Когда они успели? Мы пришли домой совсем недавно, и тогда улица была совершенно пустой. Неужели новости разлетаются так быстро? Я вижу, как Айзек и Чейс выходят из дома. Останавливаются у ворот и беседуют с кем-то. Я не вижу, с кем именно.

Большинство людей стоят на противоположной стороне улицы, словно подчеркивая, что пришли посочувствовать, но не хотят навязываться. Я начинаю разглядывать собравшихся и вдруг ахаю: рядом с группкой девушек стоит парень в черной толстовке. Я готова поклясться, тот самый, на которого я наткнулась вчера. Он стоит, скрестив руки на груди, и смотрит на наш дом.

Я резко задерживаю шторы. Сердце колотится. А может, я просто накрутила себя? Сейчас зима, многие утепляются, ходят в толстовках. Скорее всего, парень притаился вместе с девушками просто от скуки.

А если все-таки это он делал фото, слал нам жутковатые письма, а теперь стоит, прячась под капюшоном, и радуется делу своих рук?

Позвонить в полицию? Но они наверняка решат, что я себя накрутила, вот мне и мерещится. Ведь сейчас каждый второй носит свитер, толстовку или пальто. Скорее всего, одежда совершенно ничего не значит. Я тру лоб и глубоко вздыхаю. Обязательно нужно поспать, после этого станет лучше.

8

Воскресенье Четвертое февраля

На следующее утро я чувствую, что мне просто необходимо выйти из дома. Из уважения к случившемуся преподаватель отодвинул срок сдачи моего проекта, но я уже сама хочу погрузиться в работу, чтобы не думать постоянно об окровавленном, распростертом на полу теле Сонни. Мне нужно занять чем-то голову.

Чейс согласился составить мне компанию. Может, ему тоже нужно отвлечься, а может, не хотел отпускать меня в одиночестве. Но монтажные все еще оцеплены полицейскими лентами, и мы отправляемся в библиотеку. Она расположена в другой части студгородка, и поблизости от нее ни одной монтажной, но мне все равно не хочется идти одной. Желая наверняка уговорить Чейса, я предлагаю по пути заглянуть в студенческую столовую, взять кофе и чего-нибудь пожевать.

– Ты неплохо держишься после вчерашнего, – замечает он, поглядывая на меня, когда мы идем в библиотеку.

Вчера всю оставшуюся часть дня я пряталась в своей комнате, разрываясь между страхом, горем и чувством вины, и просто не могла заставить себя посмотреть друзьям в глаза. Я плакала, пыталась отвлечься, закапывалась в социальные сети. Но когда мою ленту заполнили новости и слухи о случившемся, я засунула телефон под подушку и принялась один за другим смотреть фильмы на ноутбуке. Пялилась в экран, пока не забылась тяжелым сном без сновидений. Какое счастье, что я никогда не запоминаю сны, даже если они снятся.

– Ага, неплохо. Сплошной кошмар. А Айзек еще добил меня, когда припелл Джейка к тому, что случилось с Сонни. Мне страшно.

– Никто тебя не винит, Лайла, – твердо говорит Чейс. – Но мы все же позвонили детективу Лине и рассказали ей о мыслях Айзека. Она обещала заняться этим и связаться с Джейком хотя бы для того, чтобы вычеркнуть его из списка подозреваемых.

– Э-э... – Я растерянно моргаю. Они позвонили ей без меня. А я и не знала ничего. – Ясно. И что она сказала?

– Только то, что займется этим. Наверное, свяжется с Джейком, вызовет в участок. Не знаю... посмотрим.

Чейс внезапно замолкает и хмурится, глядя куда-то в сторону. У доски объявлений возле главного входа в столовую толпится куча народу. Мы тоже подходим, и Чейс придвигается ко мне.

– Что тут происходит?

Я встаю на цыпочки, чтобы понять, что привлекло всеобщее внимание. Окружающие пихают друг друга локтями, кивают в нашу сторону и откровенно на нас пялятся. Как будто мы – жертва чьего-то розыгрыша или сплетни.

Я чувствую, как у меня обрывается сердце. Чейс, словно почувствовав это, обнимает меня за талию и притягивает к себе. Я не жалею, но хорошо бы он обнимал меня не только для того, чтобы защитить, но и потому, что любит.

Но что же случилось?

– На что все смотрят? – спрашиваю я у девушки, которую, кажется, пару раз видела в кампусе.

Она таращит на меня прозрачные глаза:

– Там что-то ножом прибили к доске. То ли кусок тела, то ли кусок мяса. Везде кровяки. Все перетрусили, думают, это человеческое сердце, но понятно же, что нет.

Толпа слегка расступается, и у меня подкашиваются колени: пробковая доска сплошь утыкана случайными листовками, приглашениями на открытые вечеринки, объявлениями об учебных кружках и меню навывнос. А в самом центре всего этого красуется орган. Человеческий орган. Красно-коричневый рваный комок, похожий на кусок говядины.

Только это не говядина. Кровь залила все листовки, под доской объявлений уже скопилась лужица.

Это сердце. Сердце Сонни. Сомнений быть не может.

– Чейс, – шепчу я и дергаю его за руку.

Он тут же тащит меня прочь, подальше от толпы.

– Спокойно, Лайла. Я уверен, это муляж. Розыгрыш на День святого Валентина.

Как бы не так. Сердце, прибитое ножом к доске объявлений, – это не розыгрыш.

– Перестань! Мы оба знаем, что это такое. – Я указываю на сердце. – Убийца специально выставил его на всеобщее обозрение, чтобы похвастаться, или запугать нас, или...

– Лайла, остановись. – Чейс прижимается к моему лбу своим. – Успокойся, а то задохнешься. Я сейчас позвоню детективу Лине.

Но, прежде чем он успевает достать телефон, мимо пробегают двое охранников студгородка.

– Полиция, наверное, уже в пути. Ты думаешь, надо остаться? Я хочу домой.

– Если мы понадобится, детектив Лина знает, где мы живем.

– Он снова был здесь! – Меня бросает в дрожь. – В кампусе. Прямо рядом с нами.

– Не думай об этом, – пытается успокоить меня Чейс.

Но как можно не думать? Этот человек убил Сонни, а теперь угрожает нам. Сначала записки, а теперь... сердце. Это уже касается не только Сонни, теперь убийца угрожает нам!

Я крепче прижимаюсь к Чейсу и утыкаюсь лицом ему в шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.